Твоя примерная коварная жена

Автор:
Людмила Мартова

Твоя примерная коварная жена

Людмила Мартова

Желание женщины

Муж бросил Элеонору, когда у нее начались серьезные проблемы на работе. И все из-за лучшей подруги, которая вдруг решила забрать успешный совместный бизнес себе! Эля хотела остановить ее, заручившись поддержкой своего мужа, третьего соучредителя, но тот выбрал не сторону жены… Так Элеонора в одночасье осталась без работы и в полном одиночестве, да еще и здоровье дало мощный сбой. Она надеялась, что со всем справится сама, но совершенно случайно оказалась подозреваемой в деле об убийстве незнакомого ей человека. Эля уверена – это совпадение: ни подруга, ни муж не способны так подставить ее. Но кто же мог подстроить все эти несчастья и заставить близких отвернуться?

Людмила Мартова

Твоя примерная коварная жена

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Элеоно?ра – женское личное имя.

Итальянское Eleonora происходит от др.-греч. ????? – «милосердие, сострадание».

Имя Eleonora связывается с древнееврейским элинор – «Бог мой свет». А также представляет собой видоизмененное провансальское Alienor, с элементом «ali» – «другой, чужой»[1 - Из интернет-энциклопедии Википедии.].

Глава первая

Наши дни

Элеонора Первая

Цок-цок-цок… По мрамору холла мерно и дробно простучали каблучки. Генеральный директор строительной компании «ЭльНор» Элеонора Бжезинская не признавала обуви без каблуков и появлялась на тонкой и высоченной шпильке, заставляющей вспомнить о существовании Эйфелевой башни, даже на строительной площадке.

Ее каблуки, странное дело, не увязали в песке, не обдирались о гравий, не застревали намертво в глине. Элеонора Бжезинская умела сохранять элегантность в любой ситуации. Кстати, туфли, у которых вместо каблука была миниатюра Эйфелевой башни, в ее гардеробе имелись на самом деле. И в них Элеонора смотрелась стильно, роскошно и абсолютно естественно. Впрочем, как всегда.

Директорша «ЭльНора» была потрясающей женщиной. Мужчины не оборачивались ей вслед лишь оттого, что не смели. Высокая блондинка с гривой тщательно уложенных волос, осиной талией, высокой грудью, чарующей улыбкой и умопомрачительными ногами, изящество которых подчеркивалось все теми же обязательными каблуками, она была настолько хороша, насколько и

недоступна.

Если к внешности Элеоноры добавить еще собственную построенную с нуля строительную империю, которой она руководила с размахом и изяществом, загородный дом в элитном поселке неподалеку от знаменитой усадьбы Ланских, лихую езду на огненно-красном, сделанном на заказ «Лексусе», депутатство в областной Думе, благотворительность, недвижимость в Испании, привычку проводить уик-энды в Париже, а зимние каникулы в Куршавеле, умение кататься на горных лыжах и свободное владение английским, то абсолютно понятно, что соответствовать такой женщине мог только олигарх из первой пятерки российского «Форбс».

Однако в романах с олигархами Элеонора замечена ни разу не была, оставалась верной женой своего мужа, за которого вышла в студенческие годы и которому родила двоих детей. Старший сын Александр учился в Лондоне, а младшая дочь Варвара – в Париже. Супруг Элеоноры – Борис – тоже работал в «ЭльНоре». Финансовым директором.

Компанию они основали вместе в начале девяностых годов. Третьей в их дружном триумвирате была студенческая подруга Бжезинской главный инженер компании Элеонора Бутакова. Тому обстоятельству, что их зовут одинаково, они очень удивились двадцать с лишним лет назад, когда познакомились, сдавая вступительные экзамены в МГСУ – Московский государственный строительный университет. А потом за долгие годы дружбы привыкли и к имени, и к тому, что существуют, как сиамские близнецы, давно превратившись в единый организм.

Борис Бжезинский над этим «не разлей вода» посмеивался, а Сергея Бутакова временами это бесило. Он был бы счастлив, если бы в его жизни были только жена и дочка, но все разговоры в семье обязательно сводились к Бжезинским и их семейству. Элеонора Бутакова, ко всему прочему, была крестной матерью Вари Бжезинской. Варя крестную обожала, с удовольствием оставалась ночевать у нее дома и во всем подражала Вике Бутаковой, которая была старше ее на три года.

Семьи вместе отмечали бесконечные дни рождения и именины, Новые года и Восьмые марта, годовщины свадеб и другие праздники, собираясь, по поводу и без, практически каждую субботу. Жарко топился камин в загородной резиденции Бжезинских, пахло корицей от сваренного Борисом глинтвейна, Элеонора Бутакова пекла пироги, до которых была большой мастерицей, а дети

во дворе играли с огромным мастино неаполитано – любимцем семьи и всеобщим баловнем. И эти субботние посиделки Сергей Бутаков ненавидел.

Его Элеонора, хохотушка, умница, аппетитная пампушечка небольшого роста, с выразительными ярко-голубыми глазами и каштановой лихой стрижкой каре всегда оказывалась в тени своей роскошной подруги. Вечно вторая. Не такая красивая. Не такая стильная. Не умеющая носить дорогие наряды и предпочитающая удобную обувь на низком каблуке из-за растущей с годами косточки.

Она выглядела простолюдинкой рядом с королевой Бжезинской, хотя именно на ней, как знал Сергей, держался успех «ЭльНора». Бутакова обеспечивала качество строений, закупала необходимые материалы, контролировала подрядчиков, ругалась с прорабами. Для суровых мужиков, разговаривающих на языке, в котором цензурными были только предлоги, она была своей, в то время как Бжезинская оставалась инопланетянкой, феей, принцессой из сказки.

«У королев не бывает ног» – эту фразу Сергей Бутаков вспоминал каждый раз, когда видел Бжезинскую.

Бжезинская о неприязни мужа своей лучшей подруги не догадывалась, и если бы ей кто-нибудь сказал о том, что крепко сбитый, плотный, неулыбчивый Сергей ее недолюбливает, то в жизни бы в это не поверила. Сама она, казалось, любила всех людей без исключения, близких особенно, и искренне верила в то, что мир отвечает ей тем же.

Уверенно пробежав по скользким мраморным плиткам (нет, поскользнуться она не могла ни при каких обстоятельствах), Элеонора влетела в приемную, которую делила с собственным мужем, и ослепительно улыбнулась секретарше.

– Милка, привет. Ну что, свидание удалось?

Ни одна мелочь в работе с подчиненными, как правило, не ускользала от ее внимания. Вчера секретарша Милочка была наконец-то приглашена на свидание мужчиной, который ей очень нравился, и Элеонора знала, что девушке будет приятно, если начальница про это вспомнит. Так и случилось, услышав вопрос, секретарша разулыбалась, вспыхнув пионовым цветом.

– Ой, Элеонора Александровна, вы никогда ни про что не забываете. Спасибо вам. А свидание прошло хорошо. Мы в ресторане посидели и по городу полночи гуляли. Он, конечно, домой ко мне набивался, но я девушка приличная, после первой встречи в койку не прыгаю, так что провожали ночь и встречали рассвет. Ужасно не выспалась, но вы не думайте, на работе не скажется.

– Конечно, не скажется. В твои-то годы. – Бжезинская рассмеялась без тени зависти в голосе. Двадцатипятилетнюю Милу она соперницей не считала, да и к своим сорока трем годам относилась с равнодушной уверенностью в том, что настоящая женщина остается молодой и в семьдесят. – Минут через двадцать зови всех на совещание. У меня сегодня встреч много, раскачиваться некогда.

На сегодня самым крупным строительным объектом «ЭльНора» был возводимый отель «История», входящий во всемирно известную шведскую сеть. Строили его уже четыре года. На данный момент красавец-отель из стекла и бетона уже гордо смотрел на город над Волгой с высоты своих двенадцати этажей. Внутренняя отделка была закончена, благоустройство территории завершено. Оставались кое-какие ландшафтные работы, которые тоже делал «ЭльНор», и все, можно проводить торжественную приемку. Ее дата была назначена на конец сентября, и сейчас управляющая отелем Наталья Удальцова вовсю командовала расстановкой мебели, закупкой холодильного оборудования и составлением меню для ресторана.

Удальцова Бжезинской нравилась. Она была дельной, спокойной, хорошо знающей свое дело и не склонной к истерикам женщиной. Последнее качество Бжезинская особенно в ней ценила, предпочитая больше работать с мужчинами. С ними на истерики можно было не отвлекаться.

Усевшись в кресло, удобное, жутко дорогое кресло из натуральной кожи, она открыла ежедневник и быстро поставила зарубки на память. Итак, сейчас совещание по строящимся объектам, затем нужно заскочить в отель, Удальцова просила переделать кое-что в бассейне. Потом встреча в мэрии, если повезет, можно будет взять в застройку целый жилой микрорайон. Десять двенадцатиэтажных домов, школа, детский сад, офис семейного врача, супермаркет и бассейн – о загрузке бригад можно будет не думать года два-три, а то и пять, что сейчас, в кризис, просто подарок судьбы. Хотя нет, не подарок, а заслуженное вознаграждение, завоеванное двадцатью годами безупречной работы, выстраданное бессонными ночами.

Своими силами, правда, такой проект не потянуть. Оборотных средств не хватит. А кредиты сейчас недешевы, ох недешевы, да и дают их неохотно. Что ж, придется сходить на поклон к управляющему банком. Его имя открывает многие двери, хотя Борису это порой неприятно.

Она чуть заметно нахмурилась, выгнув дугой идеальные брови. Что ж поделать, если она, как управленец, эффективнее мужа. Он умеет считать деньги, этого у него не отнимешь. А она – принимать решения и быстро находить выход из любых кризисных ситуаций. Нестандартные решения, надо признать. Бжезинская усмехнулась. Ее последняя задумка была не то чтобы нестандартной. С точки зрения морали она просто не лезла ни в какие ворота. Но бизнес – жесткая вещь. Жестокая даже. Так что о морали она забыла еще в далекие девяностые, когда договаривалась с бандитами о «крыше» или отбирала самые выгодные заказы у конкурентов. Значение имеет только результат, а муки совести не мешают ей спать по ночам. Не испытывает она никаких мук.

Распахнулась дверь кабинета, и он начал заполняться людьми, спешащими на утреннюю планерку. На свое место, по правую руку от Элеоноры, сел Борис, по левую – Элеонора Бутакова. Рассаживались и остальные участники привычного ежеутреннего совещания. Работы предстояло много, и вид у всех был сосредоточенный и деловой.

– Вопрос первый, будем ли участвовать в тендере на строительство двух детских садов «под ключ»? – начала Бжезинская. – Вчера мы с вами взяли тайм-аут, потому что так и не пришли к окончательному решению. Борис?

– Мое мнение с предыдущего вечера не изменилось, – он пожал плечами. Под тонкой тканью безупречной льняной рубашки, купленной в Париже, перекатывались бугры мышц, но Элеонору это оставило равнодушной. Красота мужа не вызывала у нее таких бурных эмоций, как раньше. – Я считаю, что надо участвовать. Проект займет год, максимум полтора, деньги бюджетные, так что ничем не рискуем.

– Деньги бюджетные, но получим мы их только после выполнения работ, – Элеонора слегка повысила голос. Все эти аргументы она уже приводила накануне и начала раздражаться от того, что ее не услышали. – Мы оттянем все резервы, а они нам понадобятся при запуске «Изумрудного города». – Именно так назывался тот самый микрорайон, который она намеревалась построить с

легкой руки мэрии.

– Я как раз против «Изумрудного города», – Борис слегка вздохнул. – Этот проект нам точно не по карману, а влезать в кредиты сейчас рискованно. Два детских сада как раз то, что нам нужно.

– Элеонора, а ты как считаешь?

Бутакова всплеснула полными ручками, выражая отчаяние.

– Я согласна с Борисом. За журавлем в небе погонимся, разобьемся. Синица в руках гораздо лучше. Так что я – за детский сад.

– Еще какие есть мнения? – Бжезинская обвела взглядом собравшихся. Все молчали, не желая встревать в перепалку начальства.

– Микрорайон – это выход на новый уровень, – неожиданно сказал Михалыч, самый уважаемый прораб «ЭльНора», сейчас отвечающий за строительство коттеджного поселка неподалеку от города. – Вот как четыре года назад за отель брались, помните? Тоже боязно было, потому что иностранные партнеры, сроки, жесткие требования. А справились же. Вот-вот закончим.

– Это не одно и то же, – в голосе Бориса теперь тоже слышалось раздражение. – На строительство отеля нам деньги предоплатой переводили. Они у нас на счетах лежали, и мы на них строили. Заодно и без кредитов обходились, те деньги прокручивая. А тут в такую долговую яму влезть надо, что утонем мы в ней. Навсегда останемся.

– Так, решение я приму после того, как сегодня еще раз встречусь с представителями мэрии, – решительно сказала Бжезинская. – Если мне пообещают отдать землю в долгосрочную льготную аренду и провести коммуникации в микрорайон за счет казны, а также отложить строительство большинства социальных объектов района на самый конец проекта, когда жилые дома уже будут сданы и квартиры в них проданы, тогда все у нас получится и риск окажется минимальным.

– Так ведь стройки стоят, – робко напомнила Бутакова. – Мы работаем, потому что у нас отель да коттеджный поселок, там у владельцев деньги есть. А все остальные площадки в городе консервируются. Массовое жилье никто не покупает, ипотека дорогая, уверенности в завтрашнем дне нет, люди боятся кредитной удавки. Мы и так закредитованы по максимуму. В еще большие долги влезем, дома построим, а квартиры не продадим. Что делать-то будем?

– Так, с этим все. Переходим ко второму вопросу, – отрубила Бжезинская. – Я уже сказала, что приму решение позже.

По лицу Бориса заходили желваки, но он сдержался, ничего не сказал. Лишь когда все остальные производственные вопросы на сегодня были решены и за участниками совещания закрылась дверь, он обратился к жене.

– Не круто берешь? – поинтересовался он. – Ведь мы с Элеонорой такой же голос, как и ты, имеем. У нас равное количество процентов в уставном капитале. Так что решение принимать не тебе, а нам всем, большинством голосов.

– Борик, – Элеонора засмеялась, выскочила из кресла, подбежала к мужу и взъерошила его когда-то роскошную, а сейчас начинающую редеть шевелюру. На пальцах у нее остались волосы, и она незаметно вытерла ладонь о летящую по бедрам шелковую юбку. – Борик, мы же с тобой оба понимаем, что ты проголосуешь так, как я скажу. За столько лет ты неоднократно имел возможность убедиться, что у меня потрясающее чутье. Я никогда не ошибаюсь, когда в чем-то уверена, а сейчас я уверена, что «Изумрудный город» будет иметь успех. И не спорь ты со мной, ради бога.

– А Бутакова?

– Что Бутакова? Она прекрасный тактик, но из нее никудышный стратег. Ей не будет цены, когда нужно будет разрабатывать проект и выбирать материалы для будущего микрорайона, а принимать решения уж оставьте мне, пожалуйста.

Впрочем, в глубине души она знала, что лукавит. Элеонора Бутакова обладала чудовищным упрямством, и никто бы не смог сдвинуть ее в сторону, если бы она что-то решила. Ее нежелание затевать новый проект грозило Бжезинской серьезными неприятностями, а потому нужно было срочно что-то придумать. Старая подруга не должна была встать на пути прорыва в будущее «ЭльНора». А

именно такими словами Бжезинская оценивала перспективы «Изумрудного города». И никакие кредиты ее не пугали.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

– А ты придешь ко мне на линейку первого сентября?

Элеонора Бутакова с улыбкой смотрела на задавшую вопрос крестницу Варю, смешно, по-птичьи, наклонившую голову набок в ожидании ответа. Это было традицией. Каждый год «крёска», как называла ее с детства Варя, обязательно приходила в школу с неизменным букетом гладиолусов, предназначавшихся для учительницы.

Мать, конечно, заказывала для Вари школьные букеты – стильные, изящные, собранные из редких растений руками арт-директора «Мира цветов» – самого модного цветочного магазина их города. Букеты получались красивые и чуточку волшебные, на них хотелось смотреть, не отрывая глаз. В них чудилась волнующая мелодия, от их аромата немного кружилась голова. Такой букет был за счастье для любой из Вариных учительниц, но девочка отчего-то стеснялась их дарить, тайно мечтая о простеньких астрах, зажатых в маленькой ладошке, или о гладиолусах, которые срывались на даче накануне первого сентября. Вот только на их участке ничего подобного не росло.

Элеонора Бжезинская не признавала мещанства, а гладиолусы для нее были одним из его признаков. Приносить их в школу было пошлостью и дурновкусием. Именно поэтому гладиолусы для Вари из года в год поставляла крестная, разделяющая любовь девочки к этим цветкам-стрелам, украшенным яркими бутонами, похожими на огромные колокольчики.

Вообще-то Варя уже несколько лет училась в закрытой школе в пригороде Парижа, но в российской школе все-таки числилась. Именно поэтому каждый год она приходила на торжественную линейку, здоровалась с одноклассниками, показывалась учителям и назавтра убывала во Францию до зимних каникул, на

которых исправно писала все положенные сочинения и контрольные. Ее следующие визиты в школу приходились на май, когда девочка закрывала все «хвосты» и сдавала переходные экзамены.

Фактически она училась экстерном, хотя документально это никак оформлено не было. Благодаря связям и влиянию Элеоноры Бжезинской, на это закрывали глаза, тем более что училась Варя хорошо и вообще была чудесной девочкой.

– Конечно, приду. – Бутакова еще раз улыбнулась, с нежностью глядя на бледные, с едва заметным румянцем щечки, темно-русые волосы и блестящие черные глаза. В ее понимании Варя была похожа на сороку. – Гладиолусы, правда, пока не расцвели, но у нас еще десять дней впереди, так что будь спокойна.

– С тобой я всегда спокойна. Крёска, я во Франции больше всего скучаю по тебе и по Вике.

– А по маме с папой?

– Ну, мама довольно часто приезжает, – девочка говорила немного неуверенно. – Хотя, конечно, я по ней скучаю, но не так, как по тебе.

– Неужто сильнее?

– Нет, – Варя немного подумала, перед тем как ответить. – Просто по-другому. Крёска, я очень-очень тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. И должна тебе сказать, что очень рада тому, что ты через десять дней уезжаешь.

– Почему? – глаза у девочки округлились. – Что-то должно случиться? Что-то плохое?

Варя была слишком впечатлительной, причем с самого детства. В разговоре с ней это следовало учитывать, и забывшая об этом Элеонора прикусила язык.

– Да ну, что ты, Варежка, – в минуты особой близости она называла девочку так, как звала ее мать. – Что плохого может произойти? Просто у нас с мамой впереди очень много работы. Мы берем важный заказ, будем строить детский сад, так что заняты будем с утра до вечера. А ты ведь скучаешь, когда тебя некому развлечь, правда?

– Да ну, Крёска, – девочка надулась. – Не делай из меня дурочку. Я вполне могу сама себя занять, и мне не нужны няньки. Вы с мамой работаете все время, сколько я себя помню. Так что ничего нового. А точно ничего не случилось?

Элеонора вспомнила события последних дней и легонько вздохнула. Ну как расскажешь четырнадцатилетней девчонке о том, что ее мать совершенно утратила связь с реальностью и вот-вот пустит по миру фирму, которую они все вместе годами создавали с нуля. «ЭльНор» ждали непростые времена, но знать про это Варе совсем ни к чему.

– Точно-точно, – заверила она. – Просто мы с мамой немного поссорились, поэтому у меня плохое настроение. Только и всего.

– Вы с мамой не можете поссориться, – Варя звонко рассмеялась. Россыпь колокольчиков заполнила кафе, в котором они с Элеонорой пили чай с пирожными. – Это совершенно невозможно. Скорее сегодня снег пойдет.

– Все, Варежка, допивай свой чай, доедай пирожное, а я побежала. – Элеонора отодвинула стул и встала, жестом призывая официанта принести счет. – Мне по делам нужно.

– А ты куда сейчас? В отель? – Девочка была в курсе всех дел «ЭльНора» и, бывая в России, с удовольствием посещала строительные площадки. Ее завораживали картины растущего дома, меняющегося ландшафта, изменений внутренней отделки. Варя мечтала выучиться на архитектора, поэтому наматывала на ус все связанное с будущей профессией.

– Да, там нужно плитку в бассейне поменять. Мама смету утвердила, теперь с меня техническая сторона. Меня Наталья Петровна ждет.

Наталья Петровна Удальцова, управляющая отелем, все работы контролировала лично. Для нее не существовало мелких деталей, и Бутакову этот подход

одновременно и восхищал, и раздражал. Восхищал основательностью, а раздражал стремлением держать все под неусыпным контролем. Таким же точно качеством обладала Элеонора Бжезинская, что иногда доводило до исступления.

– Я с тобой. – Варя соскочила с удобного диванчика, залпом выпила остывший чай и закинула в рот оставшийся кусочек эклера. – Я обожаю бывать в отеле. Он как волшебное царство.

Минут через пятнадцать они уже входили во внутренний дворик новой гостиницы, где их ждала Удальцова. Варя получила разрешение бродить по зданию, как ей заблагорассудится, а женщины скрылись в пристройке, ведущей в спа-комплекс с бассейном.

Проводив их взглядом, Варя прошла через дверь, ведущую на ресепшен, заглянула в зал ресторана, в котором вешали огромную хрустальную люстру и расставляли столы, посидела на мягком угловом диване в лобби-баре, а затем отправилась в зимний сад. Она помнила, как мама рассказывала, что туда уже начали завозить растения, чтобы те акклиматизировались на новом месте к открытию отеля, и ей было интересно посмотреть, как изменилась огромная пятиугольная комната, словно пропитанная светом и воздухом благодаря большому количеству стекла.

Путь Вари лежал через второй внутренний дворик под прозрачной крышей, и, толкнув дверь в него, Варя застыла от изумления и ужаса. Все пространство дворика было засыпано снегом. Это было невозможно в середине августа, жаркого, удивительного августа, так редко выпадающего на долю центральной части России, но тем не менее это был снег, крупные хлопья которого равномерно усыпали пространство, образовав даже небольшие сугробы.

Снег… Сегодня уже шел разговор про снег, и с ним было связано что-то нехорошее. Варя силилась вспомнить, что именно, но никак не могла. Окружающая белизна пугала, вызывая головокружение. Сквозь наваливающуюся дурноту она услышала звонок телефона. Это была крестная, желающая узнать, где именно находится Варя.

– Варежка, ау? Ты где? – голос крестной был звонок и свеж. – Я закончила и могу отвезти тебя куда скажешь. Хоть домой, хоть к маме.

Слово «мама» словно сорвало пелену, туманом окутавшую мозг.

«Вы с мамой не можете поссориться. Скорее сегодня снег пойдет»… Это сказала Варя каких-то сорок минут назад. И вот он снег. Снег в августе. Значит, мама и Крёска действительно поссорились. А это означает, что все будет плохо, очень плохо. И Варя, не вынеся навалившегося на нее ужаса, пронзительно закричала, теряя сознание и падая в мягко принявший ее снег. Последнее, что она ощутила, это удивление, что он совсем не холодный.

– Господи, девочка, ты что меня так пугаешь? – Элеонора Бутакова пошлепала крестницу по щекам и поднесла к ее носу смоченную нашатырем ватку. – Что с тобой случилось? Тебе плохо? У тебя что-то болит? Я попросила Наталью Петровну «Скорую» вызвать.

– Не надо «Скорую». – Варя попробовала сесть, и у нее получилось. Голова уже почти не кружилась. – Я испугалась, что так много снега.

– Это не снег, – напротив нее присела Наталья Удальцова – приятная женщина средних лет с мягкими серыми глазами. – Это пенопластовая крошка. Мешок разгружали, и он порвался, вот она и высыпалась.

– Пенопластовая крошка? – Варя смотрела непонимающе.

– Ну да. Шарики из вспененных гранул пенопласта, – вступила в разговор Элеонора Бутакова. – Пенополистирольная крошка, если быть совсем точной. Мы ее применяем для утепления стен, полов и кровли. Материал экономичный, долговечный, да еще и экологически чистый. Убирает любые мостики холода. А тут зал большой, продуваемый, вот мы и решили дополнительное утепление сделать. Пара мешков осталась, вывезти не успели.

– Да и не надо вывозить. Мы им часть мебели для подсобных помещений наполняем, – подхватила Удальцова. – Удобно очень. Так что не бойся.

– Девочка очень впечатлительная, – чуть извиняющимся тоном заметила Бутакова – Вы уж простите, Наталья Петровна. Негоже это ребенка на строительный объект брать. Увидела снег летом, испугалась.

«Я не ребенок, и испугалась не того, что снег летом, а совсем другого», – хотела сказать Варя, но язык отчего-то не хотел выговаривать самые простые слова. Она сердито высвободилась из обнимающих ее рук крестной и встала. Впервые в жизни любимая Крёска не поняла, что с ней происходит. До этого Варя всегда именно с ней делилась всеми своими девичьими переживаниями, и Бутакова понимала ее гораздо лучше, чем мама. А сейчас вот не поняла. Что она будет делать, если Крёска перестанет быть самым близким ей человеком? Думать об этом не хотелось, и Варя, глотая непрошеные слезы, не оборачиваясь пошла к выходу из гостиницы.

Глава вторая

1984 год

Эля Яблокова

Запах яблок плыл над поселком, окутывая печные трубы, телевизионные антенны, листву и даже бескрайние просторы неба. Лето в этом году оказалось щедрым на урожай. Ветви клонились под тяжестью яблок, двор был засыпан хрустким, сочным, бело-желто-красным ковром. Не выключалась соковарка, и Эля как зачарованная сидела и наблюдала за бегущей розовой, густой, словно масляной струйкой из резиновой трубочки, натянутой на носик широкой алюминиевой кастрюли.

Мама по обыкновению была на работе, председатель сельсовета, «не хухры-мухры», поэтому сок гнала и джемы варила бабушка, маленькая, сухонькая, в кипельно-белом платочке, повязанном вокруг седой головы.

С хозяйством – доением коровы, приготовлением обеда в широкой русской печи, мытьем полов, стиркой и полосканием белья на реке бабушка справлялась как нельзя лучше, а вот с Элей сладить не могла. Бедовая росла девка, вот те крест, бедовая.

Пожалуй, наблюдение за падающими в недра бутылки яблочными каплями было единственным, что могло заставить подвижную Элю усидеть на месте. Бабушка

называла ее не иначе, как «супарень». Эля даже общаться предпочитала с мальчишками, лазая по крышам сараев, через заборы в погоне за яблоками из чужого сада (как будто своих ей было мало), скача весной по тронувшимся на реке льдинам. Синяки на коленках не заживали практически круглый год, а ожоги от крапивы и порезы от травы все лето.

Эля пыталась на домашней кухне создать бертолетовую соль, взрывала пистоны, кормила паука, который сплел паутину в туалете, и не давала никому от этой паутины и ее жителя избавиться. Она была не толстой, но по-детски пухлой, с круглыми щечками, крепенькими ножками, ловкими ручками, немного нескладной, как все подростки, с зарождающимися на лбу прыщиками.

Впрочем, собственная внешность не интересовала ее ни капельки. Эля никогда не задумывалась о том, красивая она девочка или нет, и очень бы удивилась, если бы ей кто-то сказал, что можно так ставить вопрос. Девичьи заботы о завитости челки, пышности завязанного хвоста или марке джинсов казались ей никчемными. Думать о подобном было глупо, когда на свете существовало столько по-настоящему увлекательных вещей.

– Бедовая девка. Хлебнешь ты с ней, – приговаривала бабушка. Мама только вздыхала. После рабочего дня она обычно не могла разговаривать, не было ни сил, ни голоса. В центральном поселке крупного совхоза работа у мамы находилась всегда. Он у них считался одним из лучших в районе. Держать в узде крепко пьющих мужиков, блюсти паритет с председателем совхоза, искать общий язык с областными властями и райкомом партии было непросто. А еще и дочь растить без мужа. Девочка-то хорошая, умненькая, плохого не сотворит. А что не женственная, так, может, и не хуже. Внимания мужского сызмальства не привлекает. Да и мальчишечья ватага, в которой она на равных правах, тоже защитит, в обиду не даст.

Эля мамины сложности понимала прекрасно и подводить ее не собиралась. Дочка председателя сельсовета всегда на особом счету. С нее и спрос строже, чем с остальных. Как мама сможет кого-то раскритиковать, если ей в ответ на непослушную дочку показывать будут. Поэтому Эля и училась хорошо, лучше всех в классе, и старалась особо не бедокурить, чтобы маме не пришлось за нее краснеть.

Сейчас она стояла по щиколотку в глине посредине окраинной поселковой улицы и сосредоточенно думала, что ей делать дальше – бежать домой босиком,

чтобы отмыть ноги от липкой грязи, или рискнуть испачкаться еще больше, но все-таки достать засосанные коварной лужей сандалии. Сандалии было жалко, мама всего-то в начале лета привезла их из областного центра, да и бабушка будет ругаться, что она опять что-то потеряла. Но чмокающая под ногами глина казалась похожей на большую злую лягушку, грозящую сожрать ее целиком, и становиться на карачки, шарить под мутной жижей руками, пытаясь найти сандалии, было противно.

– Ты чего, застряла? – рядом с задумчивой Элей остановился велосипед, управляемый первым поселковым красавцем, которого звали отчего-то женским именем Тося.

Этим летом он закончил школу, поступил в Московский медицинский институт и на днях уже должен был отправиться на учебу, чему Эля втайне завидовала. Больше всего на свете она мечтала уехать из родного, пропахшего яблочным духом поселка в Москву, кажущуюся ей сказочным, волшебным местом, где сбываются любые мечты.

В прошлом году мама возила ее в столицу на осенние каникулы, и Эля потом долго не могла отойти от поездки, вспоминая широкие проспекты, высокие дома, нарядные театры, торжественные музеи и толпы вечно спешащих куда-то людей с невыспавшимися лицами. И вот теперь Тося будет там жить.

– Застряла, – призналась она, краснея. Тося нравился всем поселковым девчонкам без исключения, и если бы Эля была чуть менее гордой, то, пожалуй, призналась бы себе, что немного в него влюблена, так же, как остальные. – Сандалии в глину засосало. Вот стою, думаю, как достать.

– Доставать надо, а не думать. А то мамка заругает. – Он необидно засмеялся, спрыгнул с велосипеда, уложил его на дорогу аккуратно, как живое существо, смело шагнул в середину лужи, нагнулся, сунул руки куда-то Эле под пятки и ловко выдернул наружу сначала одну, а затем и другую сандалию.

– На, держи, вымой их вон там, на колонке. И ноги тоже, и натяни мокрое на мокрое, пусть прямо на ногах высохнут, тогда кожа не стянется.

– И откуда ты все знаешь? – девочка смотрела на него как зачарованная.

– Нехитра наука. Ладно, давай помогу.

Он снова забрал у Эли ее заляпанную обувку, дошагал до колонки, вымыл сандалии, протер их сорванным лопухом, жестом пригласил Элю подставить ноги под бьющую из колонки струю, и она послушно начала смывать грязь, невольно наблюдая, как убегают и впитываются в землю ручейки грязной воды, постепенно меняющие цвет с рыжего, почти коричневого на бесцветный. Она взяла свои сандалии, натянула их на ноги и благодарно посмотрела на Тосю.

– Спасибо. Выручил.

– Садись, домой отвезу. А то снова запачкаешься. Дождь сильный был, вся земля раскисла.

Эля представила, что начнут молоть чужие языки, если председательскую дочку Элю Яблокову провезет через весь поселок на велосипедной раме красавец Тося, и замотала головой:

– Не надо. Я сама, у меня тут еще дела.

– А, ну ладно, тогда давай. – Он поднял свой велосипед, вскочил на него и был таков. И много лет спустя Элеоноре Яблоковой снилось по ночам, как уезжает от нее по длинной-длинной, скользкой от мокрой глины улице чубастый красавец-студент с редким именем Тося.

Почему-то она никогда не спрашивала у мамы, как его звали на самом деле, по паспорту. Эле было трудно представить его Антоном или Анатолием. Поэтому в ее памяти он остался под тем несуразным именем, которым его звал весь поселок. Тося.

Да и вообще из всего детства больше всего запомнилось именно то лето. Жаркое, но с проливными дождями, щедро поящими потрескавшуюся на солнцепеке землю. Яблоневый аромат, стойко ассоциирующийся со счастьем и безмятежностью. До начала учебного года Эля лениво провалялась в гамаке, натянутом между двумя старыми яблонями.

«Яблокова лежит под яблонями и ест яблоки», – думалось ей, и она улыбалась своим глупым мыслям, пугая бабушку.

Беда ж с девкой. Лежит, не встает, все думает о чем-то и улыбается. Сглазили, что ли? Мама смеялась, не разделяя бабушкиных страхов.

– Она просто растет, мамуля, – говорила она. – Возраст такой, что детство кончается, вот и думает о разном. Она ведь у нас уже почти девушка.

– Свят-свят, скажешь тоже, – бабушка мелко перекрестилась, отвернувшись. Партийная дочь не любила, когда при ней крестились. – Ребенок она еще, а ты говоришь, девушка. Кабы не спортил кто девку. Или вдруг уже… – Бабушкин голос сорвался на фальцет.

– Не говори глупости, – мама начала сердиться. – Она хорошая девочка. Оставь ее в покое. Израстет. Все хорошо будет.

Эля слушала все эти разговоры, но ей было скучно объяснять, что все у нее в порядке. Мама права. Кто ее может «спортить»? И как это? Сглазить, что ли? Так она сглаза не боится, плюнет три раза через левое плечо, перекрутится вокруг себя на правой пятке, и все, чужие черные мысли и отлетят от нее, не причинив вреда. И что значит – израстет? Вытянется? А то она среди мальчишек в классе самая маленькая. Среди девчонок нет, но с ними и равняться-то неинтересно. А бабушке вообще не угодить. Бегаешь с мальчишками с утра до вечера, она ругается. Во дворе сидишь сиднем, опять не по ней. Как их понять, этих взрослых.

Накануне первого сентября мама, вернувшись домой, торжественно вкатила во двор велосипед. Эля давно мечтала о нем, чтобы ездить с мальчишками наперегонки по улице и лихо спускаться с обрыва к самой реке. Но велосипеды стоили дорого, да и ехать нужно было в областной центр, в их поселке их не продавали. Мама о дочкиной мечте знала, держала в голове, что нужно бы ее исполнить, но не удавалось. А тут, пожалуйста, на тебе.

– Велосипед? Мне? – Эля не верила собственным глазам.

– Тебе. У Анны Ивановны купила. Им теперь не нужен, она предложила, а я не стала отказываться. Знаю, что ты хочешь, да и по деньгам недорого совсем

получилось. Ты уж не обижайся, что не новый.

Анной Ивановной звали мать Тоси. До Эли дошло, что велосипед был тот самый, Тосин, на котором он предложил неделю назад домчать ее до дома, да она отказалась. У нее защипало глаза.

– А Тося уехал, да? – спросила она, стараясь, чтобы не дрожал голос.

– Да, вчера. Ему теперь велосипед без надобности.

– Но он же на каникулы приедет. Как же он без велосипеда.

– До каникул еще целый год. Чего без дела стоять да ржаветь. Да, может, и не приедет сюда больше Тося. Отца-то его вроде переводят на другое место, Анна Ивановна, по крайней мере, увольняться собралась. Вернее всего, к концу осени уедут они.

Тосин отец был офицером, служил в расположенной недалеко от поселка военной части, а Анна Ивановна – врачом в поселковой больнице. Говорили, хорошим врачом. Она и Элю принимала, когда та родилась. А теперь уедет. Жалко-то как. Эля обняла велосипед за руль, как будто взяла козу за рога, прижалась лицом к блестящему звоночку, прикрепленному к рулю, и в голос заплакала.

Мама остолбенела. Дочка не плакала даже тогда, когда распорола ногу ржавым гвоздем, вошедшим в пятку чуть ли не на половину. И когда о печку в бане обожглась, тоже не плакала. А тут от известия об отъезде соседей рыдает. Или она от подаренного велосипеда так расчувствовалась?

– Ну что ты, доченька, не плачь, – расстроенно бормотала мама, прижимая к себе дочь вместе с велосипедом. – До конца осени еще долго, не скоро Анна Ивановна уедет. Не переживай.

Велосипед определили жить в сарай, где он стоял, окруженный рассыпанными яблоками. Уже позднее, когда пришли первые холода, а родители Тоси так и не уехали из поселка, наврала людская молва, Эля собирала яблоки в старые посылочные ящики, пересыпая их сухим песком, чтобы хранились подольше, и

все поглядывала на велосипед, с которым успела крепко подружиться за сентябрь и половину октября, словно спрашивала его о чем-то. А он безмолвно отвечал на вопросы, на которые не было ответа.

* * *

Наши дни

Элеонора Первая

Две подруги пили кофе и ели пирожные в недавно открытой кофейне с незатейливым названием «Сладости и радости». Управляющая отелем Наталья Удальцова и журналистка газеты «Курьер» Инна Полянская дружили уже почти двадцать лет и периодически встречались, чтобы потолковать «о своем, о женском». Вообще-то была еще и третья подруга в их дружном триумвирате, Алиса Стрельцова, но та сейчас путешествовала по Италии вместе со своим гражданским мужем, так что на встрече присутствовать не могла по признанной уважительной причине.

Уже были выпиты по две чашки кофе по-венски, съедены пирожные, вредные для фигуры, но вкусные, обсуждены дела мужей и детей, и разговор сам собой перекинулся на светские сплетни.

– Ты меня не забудь на презентацию своего отеля пригласить. Знаешь ведь, подруга, что я с таких мероприятий кормлюсь. И репортажики в раздел светской хроники сделать, и старые знакомства поддержать, и новые завести, – сказала Инна.

– Ага, и рекламу я тоже тебе закажу. Лучше тебя все равно никто не напишет, – подхватила Наталья. – Кстати, хочешь свежий скандал? Ты еще о нем не знаешь.

– Я и не знаю? – усомнилась Инна. Она была профессионалом от бога, а потому горячие новости в их городе всегда узнавала первая, чем вызывала обожание главного редактора и стойкую зависть коллег.

– Ага. Вот ты слышала о том, что Бжезинскую выгнали из генеральных директоров «ЭльНора»?

– Чего? А ты разом не свистишь, подруга? – глаза у Инны округлились от изумления. – Как Бжезинскую можно откуда-то выгнать, она ж в «ЭльНоре» главная.

– Так то-то и оно. Я с ними уже четыре года как сливаюсь в ежедневном глубоком экстазе. А тут все работы закончили, я сделала акты, за подписью Бжезинской, разумеется, а мне их обратно прислали с просьбой переделать на и.о. генерального директора Бориса Бжезинского. Я позвонила в приемную уточнить, что это значит. Знаешь, когда речь идет о таких деньгах, то сто раз перестрахуешься, и мне их секретарша, милая такая девочка, дрожащим голосом сказала, что решением совета директоров Элеонора Александровна отстранена от занимаемой должности.

– Погоди, Наташ. – Инна нервно взмахнула рукой, подзывая официантку, и заказала еще одну чашку кофе. – Но этого ж не может быть. Насколько я помню, по данным системы «Спарк», у «ЭльНора» три учредителя с равными долями уставного капитала. Это сама Бжезинская, ее муж Борис и Элеонора Бутакова. Принять решение они могут только двумя третями голосов. Ты хочешь сказать, что Борис Бжезинский пошел против жены?

– Получается так. Хотя я тоже удивилась. Сколько я их видела вместе, они производят впечатление очень гармоничной пары.

– А вот я их вместе как раз никогда не видела, – задумчиво сказала Полянская, прихлебывая горячий кофе. – Я с Борисом вообще только раз встречалась. Он на какой-то пресс-конференции выступал по финансовым перспективам строительного рынка. А я ж про экономику пишу, поэтому слушала внимательно. А так я все больше с Элеонорой встречаюсь. Которая Бжезинская. И по рекламе «ЭльНора», и по депутатским делам. Нравится она мне. Смелая, решительная, стремительная. А одевается как… Загляденье.

– Да, она красивая, – согласилась Наталья. – И стильная очень, даже чересчур.

– Как можно быть чересчур стильной? – засмеялась Инна.

– Ну, не знаю. Я в ее присутствии всегда начинаю чувствовать себя человеком второго сорта. Сразу замечаю, что и юбка у меня помялась, и туфлями я в лужу

наступила, и голову мыла только вчера, а сегодня не успела. Она такая… Звезда, одним словом. Мне с Бутаковой проще. Она не королева. Обычная земная женщина. Рядом с ней не думаешь о собственном несовершенстве.

– Я о собственном несовершенстве никогда не думаю, – фыркнула Инна. – Потому что я – само совершенство. Бжезинская, конечно, звезда, но и баба хорошая. И сверху вниз никогда не смотрит. Интересно все-таки, какая кошка между ними пробежала. Послезавтра сессия областной Думы, пожалуй, загляну-ка я к Бжезинской на чашечку кофе. Заодно и выведаю аккуратненько, что там такое случилось.

Элеонора Бжезинская вряд ли могла ответить на вопрос, что случилось. Она чувствовала себя обескураженной. Лучшая подруга на совете директоров подняла вопрос о смещении ее с должности генерального директора. А Борис, ее Борис, с которым она прожила более двадцати лет, встал на сторону Бутаковой. Предатель.

Управление «ЭльНором» он взял на себя, а Элеонору перестали пускать в собственный кабинет. Об этом со смущенной улыбкой ей сообщил начальник службы безопасности, который вообще-то всегда относился к ней хорошо. Элеонора ценила, что его, бывшего офицера, настоящего мужика, не унижала работа под начальством женщины.

Она сидела в машине перед входом в роскошный офис, выстроенный, благодаря ее упорству, ее работоспособности, ее умению вести бизнес. Большое двухэтажное здание в самом центре города. Стоило немалых трудов получить здесь землю. И разве Бутакова выбивала эту землю? Разве Борис унижался перед мэром города, выпрашивая подпись о разрешении на строительство? С самого начала существования фирмы она все везла на себе. Да, Элеонора была техническим исполнителем, Борис вел финансы, но никогда бы «ЭльНор» не набрал такую мощь, которой обладал сейчас, если бы не она. А теперь ее даже в здание не пускают.

В глубине души Элеонора понимала, почему муж и подруга так поступили. Они боялись ее решения взяться за строительство «Изумрудного города». Они не хотели рисковать, предпочитая получить контракт на строительство детского сада. Они были готовы принести стратегию в жертву тактике, и в этом крылась их главная ошибка. Бжезинская видела ее совершенно отчетливо. Но что ж поделать, если ее муж и подруга не обладали таким чутьем.

Ей было так обидно, что хотелось плакать. Впрочем, слезы никак не могли помочь найти выход из создавшегося положения, а оставаться долго в этой ситуации она не собиралась. Не на ту напали. Из окон на нее смотрели сотрудники. Она физически ощущала на себе их взгляды – сочувствующие, расстроенные, злорадные, ехидные. Позволить себе расстраиваться на глазах у них она никак не могла. Поэтому решительно завела мотор, лихо развернула свой красный «Лексус» и рванула прочь, лихорадочно соображая, куда направиться. Ей нужно было место, где можно было бы спокойно подумать, что делать дальше.

В том, что делать что-то надо, она не сомневалась. Не в ее правилах было сложить руки и тихо уйти на дно, не пытаясь сопротивляться обстоятельствам. Если бы она в критических ситуациях сдавалась без боя, то не было бы ни «ЭльНора», ни политической карьеры, ни загородного дома. Вообще ничего бы не было.

Из любой сложной ситуации обязательно был выход. Это Бжезинская знала совершенно точно. Ее мозг всегда просчитывал направления движения, и из любых приключений и неприятностей она выскакивала, хотя и изрядно потрепанная, но невредимая. А бизнесу любые сложности и подавно шли во благо, заставляя подниматься все выше на новый уровень. Сегодня «ЭльНор» был практически недосягаем для конкурентов, и если бы еще вчера Бжезинской сказали, что на него захотят «наложить лапу» самые близкие ей люди, то она бы ни за что не поверила, посмеявшись над буйной фантазией завистников. Сегодня абсурд стал реальностью, и, несмотря на всю ее растерянность, мозг уже включился, просчитывая варианты действий. Ничего хорошего Борису и Элеоноре Бутаковой это не сулило.

Борис слаб. Она всегда умело им управляла, и этот раз не станет исключением. Она сыграет именно на его слабостях – любви к дочери и любви к деньгам. Кстати, еще совершенно неясно, что он любит больше. Он давно мечтает открыть ресторан. Такая у него, видите ли, блажь. Уже несколько лет Элеонора сдерживает эти порывы, объясняя это тем, что деньги нельзя вынимать из основного бизнеса. Что ж, деньгами придется пожертвовать. Все равно ей нужен кредит на строительство «Изумрудного города». Придется взять побольше, только и всего. Зато Борис отвлечется на новую игрушку, и дела «ЭльНора» ему станут неинтересны. Настолько неинтересны, что она получит в управление его долю акций и снова станет полноправным руководителем фирмы.

Подруга, посмевшая пойти против нее, останется с носом. Впрочем, зная ее упертость, она все равно будет протестовать, возмущаться, путаться под ногами и мешать работе. Что ж, значит, Элеоноры Бутаковой в «ЭльНоре» больше не будет. Добиться этого, конечно, непросто, но Элеонора Бжезинская никогда не боялась трудностей.

Асфальт расстилался под колесами ее автомобиля, словно расписываясь в вечной преданности. Теперь-то она знает, что это ложь. Преданности не бывает. Бывает только предательство, подлое, как удар под дых, нанесенный тем, от кого не ждешь. Предатели будут наказаны, осталось только придумать, как именно это произойдет.

Элеонора приехала в усадьбу Ланских, бросила машину на парковке перед барским домом и медленно пошла по березовой аллее к белевшему на обрыве реки храму. Недавно отреставрированный, он переливался сказочной красоты изразцами, на которых горел узор, называемый павлиньим оком.

Год назад семья директора усадьбы нашла клад, спрятанный подальше от злых глаз. Изразцы, сделанные ценинником XVII века Степаном Полубесом, были извлечены на свет божий и теперь украшали тот самый храм, для которого и были сделаны искусным мастером[2 - Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Страсть на грани».].

Толпы туристов в усадьбе теперь не переводились, поэтому Элеонора прошла мимо храма (да и нельзя ей было в него заходить с той чернотой, что лежала на сердце) и углубилась в яблоневый сад, ровесник самой усадьбы. Здесь стоял волшебный – густой, сладковатый, тронутый осенью запах спелых яблок, лежащих под ногами разноцветным переливающимся ковром. Бжезинская подняла одно, потерла о тонкую лайку плаща, поднесла к губам, понюхала, затем откусила. Кисло-сладкий сок брызнул, заполнил рот, потек по подбородку, закапал, норовя испачкать одежду, но Элеонора ловко наклонилась, быстро достала салфетку, привела себя в порядок и доела яблоко аккуратно и элегантно, как ела всегда.

Зажав еще два яблока в кулаке, как камни для невидимой пращи, она вышла на берег, не боясь испачкать светлый плащ, уселась на начинающей желтеть траве и, машинально поглаживая пальцами глянцевый яблочный бок, задумалась, глядя на неспешный и величавый бег воды.

Река словно шептала что-то, давая советы, непрошеные, ненужные. И без нее Элеонора Бжезинская знала, что и как она будет делать. Минут через сорок она встала, отряхнулась, ловко бросила ставшие ненужными яблоки в реку и быстрым шагом пошла обратно к машине. В голове у нее был четкий план действий, не суливший пощады врагу.

Глава третья

1984 год

Эля Фалери

В полумраке комнаты таинственно мерцало зеркало. Зеркала вообще казались двенадцатилетней Эле чем-то волшебным. С той их стороны обитали сказочные эльфы. Вот только добрые они были или злые, девочка не знала, а потому каждый раз заглядывала в зеркало с некоторым испугом.

Впрочем, испуг никогда не оправдывался. В зеркале отражалось лишь прекрасное Элино лицо.

Нежнее нежного

Лицо твое,

Белее белого

Твоя рука,

От мира целого

Ты далека,

И все твое –

От неизбежного.

Так писал поэт Мандельштам, которого очень любила мама. Десятилетняя Эля как-то попробовала почитать лежащий у маминой кровати пухлый томик, ничего

не поняла, заскучала. Но эти строки, которые частенько цитировала мама, ей нравились. Мама, конечно, относила стихи к себе, но девочке хотелось думать, что они про нее, Элю.

Поразительно красивый ребенок. Так родителям говорили все, кто видел Элю впервые. И в год, и в три, и в пять, и в десять она была похожа на ангела. Ангел рос, менялась его фигурка, менялись пропорции лица, но внешность оставалась ангельской – большие, распахнутые миру ярко-голубые глаза, белокурые волосы, вьющимися локонами ниспадающие на плечи, тонкой лепки носик, и весь профиль точеный, словно вырезанный из алебастра.

Неземная девочка. Так называли Элю мамины знакомые. Маме нравилось такое определение. Она и сама была неземная – балерина Большого театра, пусть не прима, но весьма успешная, не кордебалет. Мама была тоненькая, как тростиночка, с выразительными глазами и подвижным лицом, которые могли изобразить любую эмоцию – от восторга до негодования.

Гневалась мама часто. На пролитый Элей суп, разбитую домработницей чашку или плохо выведенное с парадного платья пятно. Мамин гнев всегда был обращен на прислугу – домработницу, шофера, няню, но никогда на саму Элю или папу – сановного чиновника из Моссовета.

Благодаря папе у них была квартира в центре Москвы, служебная «Волга», личный «Фиат», штат шоферов и домработниц, няня для Эли, каракулевая шубка для нее же и соболиная для мамы. А благодаря маме в их доме всегда царила атмосфера праздника и бывали творческие люди, не дававшие «закиснуть», как она говорила.

Папа Мандельштама и балетных в доме не приветствовал, но и не возражал, потому что худенькая, легко взмывающая на пуантах ввысь мама характером обладала железным и мужа держала в кулаке. Она никогда не повышала голос, лишь изгибала бровь. Да еще глаза ее – огромные, черные, живые – умели по желанию хозяйки мгновенно наполняться слезами, прозрачными, как вода в горном озере. Эля думала, что, когда вырастет, обязательно научится у мамы этому фокусу, от которого папа терял запал и, кажется, весь набранный в грудную клетку воздух.

Для семьи Фалери практически не было невозможного. Маленькую Элю возили к морю и в Коктебель, и в Юрмалу, и в Сочи, и в Анапу. После первого и второго класса она побывала в Болгарии, на Солнечном Берегу и Золотых Песках, а минувшим летом – на озере Балатон. Папа частенько ездил в командировки за границу, привозя красивые туфельки, жевательную резинку, фирменные джинсы и кроссовки, магнитофон, не на бобинах, а на диковинных кассетах. Мама пользовалась духами исключительно из Парижа. В ее шкафу висели шубки из натурального меха, даже по снегу она ходила в туфельках из тонко выделанной натуральной кожи, в ее ушах блестели бриллиантовые капельки, а губы мерцали дорогой французской помадой. Мама была королевой, а Эля – папиной принцессой, которую любили и баловали до невозможности.

Она вошла в темную комнату, превозмогая страх, заглянула в зеркало, вделанное в дверцу старинного, из натурального дерева шкафа. Мама предпочитала исключительно антикварную мебель. В зеркале в очередной раз не оказалось никаких эльфов, лишь сама Эля – высокая, тоненькая, в красивом платье с пышной юбкой, с собранными в прическу волосами, в которую была вдета переливающаяся диадема из блестящих камушков.

Она собиралась на новогоднюю елку в Кремлевский дворец съездов. Эля каждый год ходила именно туда, на главную елку страны, и это не считалось подарком судьбы, а было чем-то само собой разумеющимся. Маленьким принцессам место именно там, а не в пыльных затхлых Домах культуры. На елку в Большом Эля тоже всегда ходила, но там было менее торжественно, менее нарядно, да и вообще, благодаря маме она чувствовала себя там как дома, отчего праздник терял частичку волшебства и становился практически семейным.

Эля подняла руки над головой и встала на пальцы. Она училась в школе при хореографическом училище, мечтая стать балериной, как мама, и найти себе любящего и надежного мужа, такого, как папа. Лакированные туфельки мало походили на пуанты, но все-таки девочка попробовала сделать фуэте, обернувшись вокруг себя. Раз, второй, третий.

Голова приятно закружилась. Делая очередной разворот, Эля глянула в зеркало и в испуге отшатнулась. Из него смотрело черное страшное чудище. Открыв пасть с красным мокрым зевом и огромными острыми зубами, оно готовилось выпрыгнуть наружу и напасть на танцующую девочку. Эля закричала, потеряла равновесие и упала, ударившись головой об угол шкафа. Чернота, сродни пугающему чудищу, навалилась на нее, давя и мешая дышать. Захрипев,

девочка потеряла сознание.

С сотрясением мозга она пролежала до конца третьей четверти. В больнице она все время плакала и звала родителей. Мама, испуганно косясь на кровати с металлическими спинками, серое больничное белье и морща нос от запаха вареной капусты, подняла на мужа полные слез глаза, и Элю забрали домой, на постельный режим. Папа согласился, что районная детская больница – совсем не место для его потрясающего ребенка.

Лежать дома было скучно, потому что ни читать, ни смотреть телевизор, ни рисовать Эля не могла. Сразу кружилась голова, наваливалась боль в висках, начинало тошнить. Противная волна поднималась откуда-то изнутри, заставляя желудок поджиматься, сворачиваться, а потом выстреливать мутной, дурно пахнущей жижей. Делались ватными руки, слабели и начинали мелко дрожать ноги.

Мама репетировала партию Розы в «Маленьком принце», поэтому днями пропадала в театре. Папа был на своей ответственной работе, возвращаясь по вечерам и привнося в детскую запах свежего коньяка и крупные ароматные мандарины. Няня пыталась читать ей вслух, но дикция у нее оставляла желать лучшего, да и декламировать с выражением она не умела. Неправильно поставленные логические ударения лишали тексты смысла, и силящаяся вникнуть в замысел автора Эля быстро уставала и отправляла няню прочь, оставаясь одна.

Довольно быстро пришлось признать, что с балетом покончено. Сказалась пропущенная четверть, оставшиеся даже после выздоровления приступы дурноты, запрет на любые физические упражнения и уж тем более любимое фуэте.

Когда ей разрешили вставать, а потом и потихоньку гулять по улицам, опираясь на руку няни и дыша свежим воздухом, Эля как-то внезапно открыла для себя красоту Москвы. Старинные благородные дома возвышались над ней, когда она шла по улице. Она задирала голову, этого делать ей было категорически нельзя, чтобы разглядеть балконы, и тут же останавливалась, чтобы переждать головокружение.

Дома были не похожи один на другой. Все разные, как и люди. Один высокий, другой низкий. Один стройный, другой толстый, один с горбатым носом, а другой с «пуговкой» или «картошкой». Вечерами в домах зажигались окна. За их стеклами кипела чужая жизнь, разыгрывались настоящие, а не балетные страсти. Там ссорились, мирились, воспитывали детей, варили супы, шили платья, плакали от разлуки с любимыми и радовались рождению детей.

К тому моменту, как врачи разрешили Эле ходить в школу, она уже точно знала, кем мечтает быть. Архитектором. Проектировать и строить дома. Идея, озвученная папе, встретила горячую поддержку. Ребенок не хотел погрязнуть в сложном мире искусства. Ребенок хотел строить социалистическое будущее. И это было прекрасно.

Впрочем, на дороге к мечте встретилось еще одно препятствие – Эля Фалери совсем-совсем не умела рисовать. Из-под ее руки выходили не четкие и ровные линии, складывающиеся в ожившие изображения домов, которые она придумывала, а что-то кривое и кособокое, не подлежащее ни малейшему улучшению.

Будущее в очередной раз пришлось подкорректировать. Эля решила, что станет не архитектором, а инженером-строителем. У нее оказался технический склад ума. Математика и физика давались ей легко, так что к строительному институту она могла подготовиться без особого надрыва. Да и папа, несомненно, мог помочь.

В двенадцать лет девочка-ангел внезапно повзрослела. Она была все так же хороша собой. По-прежнему любила красивую одежду и немецких кукол. Носила кудряшки с разноцветными бантами и лакированные туфельки. Но ее внутренний мир внезапно оказался строгим и серьезным. Она не ходила в театр и с некоторым недоумением смотрела на приходящих к маме гостей. Творческий беспорядок ее больше не увлекал. Девочка во всем искала гармонию четких линий и прямых углов.

– Ты знаешь, я ее боюсь, – как-то сказала мама папе. Эля случайно подслушала их разговор, возвращаясь из туалета, а услышав, застыла в дверях, потому что ей стало интересно. – Это сотрясение мозга изменило ее до неузнаваемости. У меня такое чувство, что это – не моя дочь. Она больше не слушает музыку, не танцует. Сидит, рассматривает какие-то строительные справочники и изучает марки бетона. Зачем это женщине?

– Она просто повзрослела, – мягко ответил папа. – Серьезная болезнь заставляет ребенка стать старше, переосмыслить отношение к жизни. Ты разве не заметила, что наша девочка во всем пытается быть лучшей. Она выбрала новое направление для развития взамен того, что по здоровью стало для нее невозможным, и теперь совершенствуется в нем. Это неплохо. Она не превратила расставание с балетом в трагедию. Она с головой погрузилась в новое, ранее неизведанное для нее дело. Она понимает, что в нем ей придется конкурировать с мужчинами, а это непросто.

– Какая скука, – мама повела совершенным плечиком. – Женщине нужно конкурировать только с другими женщинами. Или ты хочешь сказать, что она станет этакой карьеристкой, которая вынуждена сама зарабатывать себе на жизнь? Если в ней не будет загадки, женской манкости, на ней не женится никто серьезный. Если бы я разбиралась в марках бетона, ты бы на меня и не посмотрел. Согласись…

– Соглашусь, – в папином голосе прозвучала нежная насмешка. – Мне нравится женская слабость. Но есть и другие мужчины, и они вовсе не хуже меня. Умение добиваться поставленной цели и быть лучшим в своем деле еще никогда никому не вредило. Ни мужчинам, ни женщинам. Не волнуйся. Наша девочка красива, поэтому мужчина, умеющий облачить ее в достойную оправу, обязательно найдется.

– Ой не знаю, – мама любила, чтобы последнее слово оставалось за ней. – Бетон – это так неженственно. И совершенно неромантично.

Из подслушанного разговора Эля вынесла только то, что, впрочем, прекрасно знала и до этого. Она умница, красавица, у нее волевой характер, в ее жизни все обязательно будет хорошо, и ее полюбит достойный мужчина.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

Вот все-таки Борька – слабак и предатель. Впрочем, это было понятно с самого начала. Ведь он полностью согласился с тем, что ввязываться в строительство «Изумрудного города» – полное безумие. Он и на сторону Бутаковой встал только потому, что эта авантюра несла прямую угрозу не только финансовому благополучию, но и самому существованию «ЭльНора», и вот вам, пожалуйста, сдулся, слился, сломался при первом же порыве ветра.

Элеонора Бутакова в отчаянии смотрела в окно, за которым раскачивались на ветру гроздья рябины. От мельтешения красных точек перед глазами немного кружилась голова. Элеонора зажмурилась и вытерла непрошеные слезы. Ее давняя подруга, внезапно ставшая врагом, перетянула мужа на свою сторону легко и непринужденно. Оно и понятно, муж и жена – одна сатана. Уж что она пообещала своему супругу, чем пригрозила, непонятно, но он передал ей в управление все свои акции предприятия, прописав в договоре право последующего выкупа, и теперь в руках у Элеоноры Бжезинской был контрольный пакет, а значит и возможность принять любое решение в одиночку.

Получив нотариально заверенную мужнину подпись под договором, Бжезинская собрала совет директоров, большинством имеющихся у нее голосов снова назначила себя на должность генерального директора, воцарилась в своем роскошно обставленном кабинете, разжаловала Бутакову из главных в рядовые инженеры и отозвала заявку «ЭльНора» на участие в аукционе по строительству детского сада.

Договор на аренду участка городской земли под строительство жилого микрорайона «Изумрудный город» находился на стадии регистрации, и спасти «ЭльНор» от будущего банкротства отныне могло только чудо. А чудес, как известно, не бывает.

Как это было непросто – возвести с нуля мощную строительную империю, которой при разумном управлении были не страшны никакие бури. Конечно, вклад Бжезинской был огромен. Ее напор, ее харизма, ее воля и связи сыграли немалую роль, но ведь и вторая Элеонора была более чем полезна «ЭльНору».

Это она руководила технической составляющей всех проектов. Это благодаря ее работе к качеству строительства не возникало вопросов ни у контролирующих органов, ни у заказчиков, ни у будущих жильцов. Она придумывала инженерные решения, которые позволяли экономить на строительстве без ущерба качеству. Она обеспечивала безопасность объектов. Она моталась по стройплощадкам, не

боясь ни морозов, ни проливных дождей, ни летней жары.

Что ж, она будет бороться за свой бизнес, который казался нерушимой и надежной опорой в будущей старости. Она не сдастся без боя. Надо просто найти человека, который замолвит за нее словечко и даст понять Бжезинской, что не представляет себе «ЭльНор» без главного инженера Бутаковой.

Такой человек у нее на примете был. Наталья Удальцова, управляющая роскошным отелем, который они только что достроили и торжественный запуск которого должен был состояться через несколько дней. Элеонора Бутакова всегда находила с Натальей общий язык и была уверена, что у нее получится обо всем договориться с ней и сейчас.

Если на торжественную церемонию открытия Бутакова будет приглашена отдельно, если ей дадут слово и ее поблагодарят за безукоризненное качество работ, то в глазах общественности она наконец-то выйдет из тени великой Бжезинской. Тогда и в СМИ можно будет обратиться за поддержкой. Не одной подруге красоваться на обложках глянцевых журналов. Элеонора Бутакова тоже кое-что из себя представляет и сожрать себя не даст.

С этой мыслью она решительно встала из-за стола, натянула относительно новый, но отчего-то бесформенный плащ (никогда она не умела носить вещи с тем небрежным шиком, который был свойственен Бжезинской, ну что ж поделать), выбежала на улицу, села в скромный «Хёндай», на котором ездила, отказываясь менять его на более дорогую и престижную машину, и поехала в отель, к Наталье Удальцовой.

Центральный вход «Истории» был закрыт от любопытных глаз, и Элеонора прошла через зимний сад, той же дорогой, которой десять дней назад они шли вместе с Варей. При мысли о девочке сердце сжалось от горечи. Что подумает о ней крестница, выросшая практически у нее на руках, которой она в некоторых вопросах была ближе, чем мать? Вон как она испугалась от одной только мысли о возможной ссоре матери и крестной. Что же с ней будет, когда она узнает, что их пути совсем разошлись?

Впрочем, Бутакова тешила себя надеждой, что она сумеет сохранить с Варей нормальные отношения. В конце концов, любая умная, почти взрослая, уже сформировавшаяся и красивая девочка должна испытывать усталость от

постоянной тени своей прекрасной богини-матери. Элеонора знала, что Варя страшно комплексует, постоянно сравнивая себя с мамой. Именно оттого с ней, простоватой, полненькой, совсем не идеальной женщиной, девочке было гораздо проще и спокойнее. Ей не надо было соответствовать.

Господи, как хорошо, что Вика Бутакова не живет с таким грузом на сердце. От нее не ждут успехов в учебе на чужом языке, не заставляют сдавать экзамены и писать контрольные сразу в двух школах, не сажают на диету, не учат сочетать одежду и грамотно подбирать украшения. Они с Сергеем просто любят свою дочь такой, какой ее создала природа. Может, от этого она растет гораздо более счастливой, чем Варя. У той вон нервы совсем расшатаны. Видится ребенку черт знает что. Снег в августе. Ну надо же!

Элеонора даже фыркнула, вспомнив, какой переполох устроила в отеле Варя. Но тут же ее мысли переключились на то важное дело, ради которого она приехала сюда сегодня. Как ей лучше начать разговор с Удальцовой? Пройти к той в кабинет и сразу изложить свою просьбу? Или притвориться, что заехала по делу и лишь потом, в разговоре, посетовать на разногласия с Бжезинской?

Немного подумав, она остановилась на втором варианте и, вместо того, чтобы повернуть налево, к двери, ведущей на ресепшен и к лифтам, свернула вправо, к бассейну, на ходу доставая из сумочки телефон.

– Наталья Петровна, – сердечно сказала она, когда ей ответили. – Здравствуйте, это Бутакова. Я приехала в отель, чтобы посмотреть, как обстоят дела в бассейне. Да-да, я знаю, что все закончили и вчера набрали воду. Я решила своими глазами удостовериться, что все нормально и чаша не подтекает. Я как раз иду туда, может быть, вы присоединитесь ко мне? Мне неловко бродить тут без вас, вы же хозяйка. Хорошо-хорошо, я обожду вас. Не торопитесь.

Удальцова обещала спуститься вниз минут через десять. Что ж, есть время хорошенько обдумать, как именно построить весь разговор. От него зависит очень многое, поэтому тут главное – не сплоховать. Элеонора Бутакова всегда отличалась тем, что тщательно планировала любое начатое дело. И сейчас не отступит от собственного правила. Слишком многое поставлено на кон.

Элеонора толкнула тяжелую дверь из толстого матового стекла, ведущую в бассейн. Здесь царил полумрак, потому что расположенные высоко под

потолком окна пропускали немного света, а осенний день оказался достаточно пасмурным. Электрические светильники, выписанные для этого помещения из Италии, сейчас были погашены. Глубокая чаша бассейна, выложенная зеленоватой плиткой, отчего набранная вода напоминала морскую, тускло мерцала, блики казались ленивыми, медленными, неяркими.

У дальней лестницы, спускавшейся в воду, что-то темнело. Бутаковой вдруг почудилось, что это кит, приплывший откуда-то из океана, и она мимолетно удивилась своей разыгравшейся не к месту фантазии. Она прошла вдоль бассейна, невольно отмечая качественно сделанную работу. Плитки пола и стен подогнаны одна к одной. Бордюр выложен затейливым рисунком. Все выглядит дорого и солидно. Посетители будут довольны.

Она дошла до конца бассейна и опустила глаза, пытаясь разглядеть то, что находилось в воде. Несколько секунд Элеонора Бутакова непонимающе смотрела в ее толщу, пытаясь осмыслить увиденную картину. В супердорогом, только что запущенном бассейне под ласковой зеленоватой водой, так похожей на морскую, покачивалось безжизненное тело.

Элеонора вдруг приобрела фасеточное, как у стрекозы, зрение, воспринимая картинку не в целом, а частями. Взгляд сфокусировался на голубых, не очень новых, набухших от воды джинсах с бахромой по низу штанин. Затем на нечищеных коричневых ботинках. Потом она зафиксировала светлую, легкую, совсем не по сезону надетую куртку, пузырившуюся на спине, потом нечесаные лохмы, извивающиеся в воде, как клубок змей. И лишь затем осознала, что в воде находится мужчина. Утопленник.

С того момента, как понимание этого обрушилось на нее, придавливая своей тяжестью, вытесняя воздух из легких, она вдруг ощутила, как ее тянет туда же, в водную бездну бассейна, глубина которого в этой части достигала пяти метров. Мертвый мужчина словно манил ее в свои объятия, предлагая разделить с ним это последнее плавание. Превозмогая искушение прыгнуть в воду, Элеонора отпрянула от бассейна и сипло закричала.

Глава четвертая

Наши дни

Элеонора Первая

Труп в бассейне отеля стал для нее полной неожиданностью. Впрочем, как горько усмехалась про себя Элеонора, первые дни осени вообще оказались богатыми на неожиданности. Жизнь дала такой резкий крен, что все привычное и само собой разумеющееся исчезло, разбилось на мелкие осколки, развеялось как дым, а все новое, чему она еще не знала названия, упорно лезло в ее жизнь, будто проверяя на прочность.

Впервые за двадцать шесть лет рядом не было ее второго «Я», Элеоноры Второй, как их часто называли подчиненные. Бжезинская знала, как болезненно реагирует сама Бутакова на слово «вторая», как ей хотелось все эти годы быть первой. Видит бог, она была бы не против быть второй, уступить старинной подруге пальму первенства, но не получалось.

Все решения принимала она, за советом сотрудники ходили к ней, прибавку к зарплате просили у нее. Бжезинская водила важных гостей по строительным площадкам, организовывала «круглые столы» и финансовые семинары, ездила с областными правительственными делегациями за заграничным опытом, светилась на телеэкранах, давала интервью в журналах местного и федерального масштаба. Она была прирожденным лидером. В «ЭльНоре» все начинало двигаться и вертеться только при ее вмешательстве, и первая роль никак не менялась местами со второй, как и прилипшие клички. Элеонора Первая, Элеонора Вторая.

Ее всегда удивляло, как могут старые закадычные друзья в одночасье стать непримиримыми врагами. Это казалось невозможным. Ведь не может же правая рука поссориться с левой. Оказалось, что может. Еженедельные посиделки с Бутаковыми под яблонями во дворе или перед пышущим огнем камином в гостиной остались в прошлом, и Бжезинская ловила себя на мысли, что субботними вечерами ей некуда себя деть.

С бывшей подругой они теперь встречались только на работе. Бутакова, не поднимая глаз, тенью прошмыгивала по коридору в комнату, где сидели инженеры, в которой отныне стоял ее стол. Кабинет главного инженера пустовал, и Бжезинская не отдавала эту должность новому работнику не потому,

что собиралась через некоторое время помиловать Бутакову, а просто потому, что тщательно подбирала претендентов на столь важный для компании пост.

Прощать Элеонору она не собиралась. В конце концов, есть вещи, которые прощать нельзя, да и предательство, совершенное единожды, обязательно повторится в будущем. В этом она была уверена. Все решения она теперь принимала единовластно, поскольку перевела на себя Борькин пакет акций. Согласие Бутаковой роли не играло, и Элеонора не увольняла ее совсем только потому, что подруга действительно была хорошим специалистом в строительной сфере. Гораздо лучшим, чем она сама.

Впрочем, работать Бутакова все равно не желала. Приходила на свое рабочее место, включала компьютер и демонстративно сидела в социальных сетях, или разгадывала горячо любимые ею японские кроссворды, или читала всяческую дребедень, не имеющую к строительной отрасли ни малейшего отношения.

Ее поведение было настолько демонстративным, что Бжезинская все чаще и чаще думала: чем резать собаке хвост по частям, лучше отрубить его одним ударом, что в данной ситуации означало уволить бывшую подругу без выходного пособия. Доля в «ЭльНоре» у нее, конечно, все равно оставалась, но тот проект, который увлеченно разрабатывала Бжезинская, требовал огромных инвестиций, так что о дивидендах на ближайшие года три можно было забыть.

Кстати, именно по этой причине у нее испортились отношения еще и с Борисом. Муж, конечно, на сделку по передаче акций в управление пошел, подкупленный идеей открытия собственного ресторана, первые деньги получил, начал подыскивать себе помещение и строить планы ремонта, но вследствие этого совершенно «забил» на финансовые дела «ЭльНора», и это именно в тот момент, когда Элеоноре требовалась помощь в оформлении огромного кредита на строительство «Изумрудного города».

– Я в твою затею не верю, – ответил Борис на ее упреки. – Я по-прежнему согласен с Бутаковой, что ты гробишь компанию, однако меня это больше не касается. Ты изъявила желание выкупить мою долю? Так будь добра, выплати мне мои деньги, и за то время, что еще есть до похорон «ЭльНора», я успею открыть ресторан и раскрутиться. Тратить время и интеллект на дело, в которое я не верю, мне кажется глупым. Так что рули сама, дорогая супруга. Совершай свои глупости, раз уж тебе так приспичило, только вперед отдай мне мое бабло.

Доля Бориса оценивалась примерно в пятнадцать миллионов рублей. Естественно, что такой свободной суммы у Элеоноры не было, а вынимать ее из бизнеса сейчас было смерти подобно. Новый проект требовал консолидации всех сил и средств.

– А меня это не касается, – спокойно сообщил Борис в ответ на ее замечание. – Если я не заберу деньги сейчас, то через год-два я не получу ничего. Пока «ЭльНор» еще на плаву, отдай мне мою долю. Иначе я отзову свое решение и снова объединюсь с Бутаковой. И ты будешь руководить компанией только во сне.

Бжезинская напряглась, договорилась с нужными людьми, затянула пояс потуже, взяла на «ЭльНор» еще один кредит, в нынешней ситуации уже явно лишний, выплатила Борису восемь миллионов рублей, написала расписку с обязательством до конца года отдать оставшиеся семь и попросила съехать.

– Откуда съехать? – удивленно спросил он. – Из кабинета? Так ради бога, мне этот офис и этот кабинет ни к чему. Сниму себе помещение над будущим рестораном. Все равно нужно самому все контролировать.

– Нет, из дома, – сквозь зубы сообщила Элеонора. – Если ты можешь так со мной поступать, бросить меня одну в не самый легкий период моей жизни, так можешь убираться из нее совсем. Когда я выходила замуж, то была уверена, что мужчина в семье – надежда и опора, за ним как за каменной стеной.

– И что мы будем вместе в горе и радости, – подхватил Борис. – Какие еще пошлости ты припомнишь? И откуда у тебя такие допотопные представления о браке?

– Любая женщина, какой бы самостоятельной она ни была, мечтает, чтобы за нее принимали решения, ее обеспечивали и о ней заботились, – Бжезинская начала заводиться. – К сожалению, мне в жизни не пришлось этого испытать. Все всегда я решала сама. Когда рожать и чем кормить детей. Как создавать бизнес. Какие брать заказы. Я пахала с утра до вечера, а ты снисходительно позволял платить тебе зарплату. Мне это надоело. Убирайся.

– Ты что, хочешь сказать, что со мной разводишься? – в голосе Бориса звучало искреннее потрясение. – А дети?

– Дети у нас уже взрослые. Кстати, если ты считаешь, что оплачивать их учебу, посылать им деньги на жизнь, одевать и возить в путешествия я и дальше буду сама, то очень ошибаешься. Я посчитаю расходы на оставшиеся годы, поделю их пополам и вычту твою часть из причитающейся тебе суммы.

– А дом останется тебе? – Борис нехорошо сощурился.

– Дом останется мне, Сашке и Варе. Тебе я куплю однокомнатную квартиру. Думаю, что это справедливо.

– Двухкомнатную. Нет, ты что, серьезно собралась со мной развестись?

– Абсолютно. Серьезнее не бывает, – сказала Элеонора. Чувствуя, что теряет контроль над собой, она выскочила из кухни, в которой они разговаривали, взбежала по лестнице на второй этаж, захлопнула за спиной дверь спальни и только тогда расплакалась.

Уткнувшись лицом в подушку, она вспоминала свое знакомство с Борисом. Она училась на третьем курсе и очень часто ходила в театр, в основном на балет. Происходящее на сцене завораживало настолько, что мир кругом терял реальные очертания, размывался, и ей казалось, что это она сама парит на сцене, встает на пальцы в атласных пуантах, крутит бесподобное фуэте.

Учась в строительном институте, каждый день занимаясь обыденными, совсем приземленными вещами, ей хотелось чего-то иного, более творческого, волшебного, романтичного. В состоянии легкого безумия, почти транса она пребывала практически после каждого спектакля и однажды, выйдя на улицу, пошла, не разбирая дороги и ничего не видя перед собой.

– Осторожнее. – Со всего размаху она столкнулась с высоким парнем, одетым в солдатскую шинель, отлетела от его крепкой груди, пошатнулась и упала бы, не подхвати он ее. – Что же вы, девушка, на людей-то кидаетесь?

– Извините, я задумалась. – Она улыбнулась и посмотрела в глаза парня, для чего ей, с ее немаленьким ростом, пришлось поднять голову, таким высоким он был. – Меня зовут Эля.

Отчего-то она представилась детским своим именем, которым ее давным-давно уже никто не называл, кроме мамы. В институте, с легкой руки подружки, ее все звали иначе.

– Борис, – сказал он в ответ. Затем шаркнул ногой и склонил голову в полупоклоне. – Позвольте представиться. Борис Бжезинский. Служу Советскому Союзу.

– Это я заметила. – Она засмеялась, невольно оценивая, что форма сидит на нем ловко и справно. – Вы в Москве проездом?

– Нет, я здесь служу. Точнее, под Москвой. Так что в увольнительные всегда приезжаю, чтобы побродить по московским улицам. Всегда мечтал жить в Москве, тут воздух особенный, и люди тоже. Вот вы, к примеру, Эля, – очень особенная. Я бы с удовольствием вас проводил, да только мне на электричку уже нужно. Иначе в часть опоздаю. Вас как найти?

– Я в строительном институте учусь, – сообщила Эля. – В Московском инженерно-строительном институте имени Куйбышева. Знаете, где это?

– Нет, но найду. – Это он прокричал уже практически на бегу, впрыгивая в уходящий от остановки троллейбус.

Эта случайная встреча состоялась морозным январским вечером, и довольно скоро Эля совершенно про нее забыла, потому что недостатка в кавалерах не испытывала. К тому же среди сотен студентов их института найти случайно встреченную на улице девушку было утопией. Ведь Эля даже не сказала ему ни свою фамилию, ни полное имя.

Однако в середине июня, когда она сдавала экзамен не любимому ею профессору Дьякову, открылась дверь в аудиторию и в нее заглянул высокий черноволосый парень в редких в ту пору джинсах и яркой футболке. Привлеченная шумом двери, она подняла на парня глаза и сразу же уткнулась обратно в лист бумаги, на котором пыталась соорудить какое-то подобие приличного ответа на вытащенный ею билет. Парня в джинсах она не знала.

Он обвел аудиторию глазами, коротко кивнул, словно удовлетворенный увиденным, закрыл дверь, и она тут же забыла о нем, потому что пришла ее

очередь отвечать. Получив выстраданную, но справедливую четверку, Эля выскочила из аудитории, размахивая зачеткой и счастливо улыбаясь (впереди были заслуженные каникулы), и уткнулась в чью-то широкую грудь. Не ожидая столкновения, пошатнулась, чуть не упала, но удержалась на ногах, подхваченная крепкой рукой.

Смутное воспоминание шелохнулось у нее в голове, и Эля запрокинула лицо, чтобы посмотреть на подхватившего ее человека. Он был намного выше ее.

– Эля, я к тебе пришел, – сказал он, и тут она наконец-то его узнала.

– Ты Борис Бжезинский, – полуутвердительно, полувопросительно сказала она, вспомнив красивую фамилию, которой он ей представился.

– Точно. Я отслужил, демобилизовался, поступаю в экономический институт, чтобы жить и учиться в Москве, рядом с тобой. Если ты не против, конечно.

И отчего-то она сразу и навсегда поняла, что нет, не против. Мама будущего зятя тоже восприняла хорошо. Он ей сразу понравился. Высокий, красивый, да и Элю любит, сразу видно. Свадьба их пришлась на время «сухого закона», была «комсомольской», поэтому вино разливалось из чайников, но менее весело от этого не было.

Тогда, летом после третьего курса, Элеонора, ставшая Бжезинской, была уверена, что выходит замуж раз и навсегда. И если бы ей кто-нибудь сказал, как спустя почти четверть века она будет плакать в подушку от предательства Бориса, она бы ни за что не поверила.

Впрочем, думать об этом дальше было нельзя. Элеонора решительно села на кровати, вытерла лицо краем пододеяльника и усилием воли заставила себя переключиться на что-нибудь другое. Да вот хотя бы на труп, который Элеонора Вторая нашла в бассейне. Отличная тема. Ничем не хуже всех остальных. По крайней мере, занимательнее. Элеонора любила детективы, да и к тому же была уверена, что случившееся убийство (а человека в бассейне сначала ударили по голове, а лишь потом утопили) к ней не имеет никакого отношения.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Больше всего на свете майор Воронов не любил, когда служебные дела вдруг становились личными. Холодная голова – главный инструмент розыскника, а как отстраниться от эмоций, когда расследование начинает касаться близких тебе людей?

Убийство в только что построенном и еще не открытом отеле, которым руководила подруга его жены, оказалось как раз из того самого, столь не любимого Вороновым разряда. Подруга, к ее чести, в обмороке не валялась и в истерике не билась, хотя происшествие за две недели до назначенного торжественного запуска первого пятизвездочного отеля в их городе трудно было назвать своевременным.

Впрочем, как успел убедиться Воронов за недолгую историю их знакомства, Наталья Удальцова относилась к той редкой категории женщин, которую он уважал и ценил безмерно. В ней, впрочем, как и в его собственной жене Лельке, был внутренний стержень, основанный на глубинном чувстве собственного достоинства, позволяющий «держать лицо» даже при самом невероятном раскладе.

Обычно сдержанную Наталью ему было жалко. Четыре года она билась с возведением отеля, относилась к нему как к собственному ребенку, вникала в строительные тонкости, получение лицензий, разобралась в марках постельного белья и принципах работы ресторана, провела набор и обучение кадров, вела непрекращающиеся переговоры с инвесторами и соответствовала, соответствовала, соответствовала.

Наталья на жалость реагировала спокойно, ходила на бесконечные допросы, участвовала в оперативно-следственных мероприятиях, ответы давала толковые, работать не мешала и к сотрудникам полиции и следственного комитета относилась с пониманием. Скорее всего, сказывался «опыт, сын ошибок трудных». Четыре года назад Наталья уже была втянута в историю с убийствами, вышла из нее победителем, помогла задержать опасного преступника, так что удивить ее чем-то подобным, пожалуй, было трудно.

А вот сам Воронов, занимаясь убийством в бассейне, удивлялся практически постоянно. Слишком много странного и непонятного было в этом преступлении. Начать следовало с того, что убитого никто не знал и сказать, откуда он взялся в еще не открытом для широкого круга посетителей здании, никто не мог.

И Удальцова, и все остальные сотрудники, готовящие отель к открытию, лишь пожимали плечами. Никто из них убитого не опознал. Не приоткрыли завесу тайны и работники строительной компании, сдавшей объект. Нашедшая тело Элеонора Бутакова, когда отошла от первого шока, заявила, что потерпевший ей неизвестен. То же самое сообщили вызванные на опознание директор компании, холеная красавица с властным голосом и королевской осанкой Элеонора Бжезинская, прораб, строители, отделочники, сметчики и все остальные сотрудники «ЭльНора», когда-либо бывавшие на объекте.

Пропавших граждан, находившихся в розыске, на территории их области не значилось. В соседних была парочка «потеряшек», но их описание не подходило к убитому. Возникало чувство, что труп в воде появился неведомо откуда. Хотя все члены следственной группы, и Дмитрий Воронов в первую очередь, были реалистами и в подобное не верили.

Настораживало и то, что обе совладелицы «ЭльНора» в беседе дали понять, что данное убийство направлено против них. Бжезинская заявила о том, что некие злые силы намерены разрушить имидж компании, потому что хотят пошатнуть ее лидерство на строительном рынке. Бутакова же, сморкаясь в совершенно мокрый платочек, заявила, что убийство затеяла Бжезинская, чтобы испортить репутацию второй совладелицы компании, своей бывшей подруги.

– Что за чушь? – Услышав эту версию, Элеонора Бжезинская изогнула совершенную бровь. – У Элеоноры Константиновны совсем крыша поехала на почве служебных неприятностей. Я, конечно, уволила ее за нарушение корпоративной этики, но портить ей репутацию мне ни к чему. Она у нее и так несовершенна. А уж убивать ни в чем не повинного человека, чтобы насолить ей, это вообще бред, не стоящий внимания. В одном вы правы. Кто-то усиленно копает под «ЭльНор».

Так как отель был еще не открыт и случайные люди туда не забредали, было понятно, что преступление могло быть совершено, во-первых, из личных целей, и тогда поиск убийцы нужно было вести среди знакомых потерпевшего, для чего было бы неплохо установить его личность. Во-вторых, оно действительно могло

быть направлено против компании, выступившей подрядчиком, а также против заказчика строительства, то есть российского филиала крупной шведской фирмы во главе с Натальей Удальцовой.

Все эти размышления, конечно, были крайне интересными, но не проливали на личность убитого и преступника ни капли света. Воронов физически ощущал, как хлопает над его головой птица «глухарь», суля всевозможные взбучки и неприятности на службе, включая лишение премии.

И все-таки отчего Бжезинская была так уверена, что происшествие имеет отношение к «ЭльНору»? Немного подумав, Воронов напросился еще на одну встречу со стильной совладелицей фирмы, которая пусть и очень неохотно, но все-таки согласилась уделить ему время.

– Элеонора Александровна, на нашей первой встрече вы сказали, что неизвестного мужчину убили в бассейне отеля для того, чтобы бросить тень на «ЭльНор»…

– Да, это несомненно так. – Она переложила стопки ежедневников с правого края стола на левый и поправила очки в тоненькой золотой оправе. Воронов раньше никогда не видел ее в очках. Хотя он, простой российский мент, раньше вообще видел Элеонору Бжезинскую лишь по телевизору.

– А на основании чего вы делаете такой вывод?

– Видите ли, – она снова поправила очки, – компания сейчас переживает не самые простые времена. Мы – хороший жирный куш, который мечтали бы оттяпать очень многие. Однако раньше мы были единым целым, и каждый держал свою линию обороны. Я обеспечивала взаимодействие с госорганами. Мой муж, – она непроизвольно поморщилась, как будто в этом слове было что-то болезненное, – мой муж отвечал за общение с банками, моя подруга прикрывала технические тылы. А сейчас мне приходится за все отвечать самой, что, несомненно, ослабляет компанию. Кроме того, чтобы решить некоторые внутренние проблемы, я была вынуждена повысить уровень закредитованности. Сейчас «ЭльНор» находится на грани, и это прекрасно понимают не только я и остальные соучредители, но и наши многочисленные враги, которые только и ждут удобного случая, чтобы осуществить рейдерский захват.

– На грани чего, банкротства?

– До этого не дойдет, – она улыбнулась на мгновение, и улыбка преобразила ее прекрасное, но измученное последними неурядицами лицо. – Я убеждена, что у моей компании хорошее будущее, а нынешние трудности сугубо временные. Но это я знаю, а остальные вовсе не разделяют моей убежденности, а потому прикладывают все силы, чтобы раскачать лодку. Любой скандал сейчас играет против «ЭльНора», а значит, на руку моим врагам. Понимаете?

– Но тогда было бы логичнее совершить убийство в вашем офисе, извините.

– У меня хорошая служба безопасности. Проникнуть к нам в офис не так-то просто, тем более что у нас везде расположены камеры. Отель, который мы построили, – наша гордость. Наша визитная карточка. Благодаря тому, что четыре года назад мы заключили контракт на его строительство, мы перешли совсем на иной уровень. Поэтому нанести нам удар, убив человека в самом сердце только что сданного объекта, – это тонкий расчет. Тот, кто это придумал, несомненно, хорошо разбирается в психологии.

– Камеры, – тупо повторил Воронов. – Про них я, признаться, не подумал. Старею, видимо, теряю квалификацию.

– Не кокетничайте, мужчине не идет. Вы в прекрасной форме. И не смотрите на меня с таким изумлением. Ваша супруга – лучший мастер в нашем городе, и, естественно, я пользуюсь ее услугами. Так что я вас несколько раз видела. И про вас слышала. Скажем так.

Жена Воронова, по-домашнему Лелька, а для окружающих Любовь Молодцова, действительно была самым популярным парикмахером в городе. Ей принадлежал открытый ею и продуманный до мелочей салон красоты «Молодильные яблоки», и удивляться тому, что Элеонора Бжезинская посещала именно его, в общем-то, не приходилось. Ну надо же, оказывается, богини, когда ходят на процедуры, обсуждают простых смертных.

– Спасибо. Но все-таки вернемся к камерам. – Дмитрий невольно покраснел и тут же рассердился на себя за это. – Вы сказали, что в офисе «ЭльНора» они на каждом шагу. А в отеле их, получается, нет?

– Есть, но далеко не везде. В номерах, к примеру, нет. И в бассейне тоже нет. Вы бы стали посещать место, в котором вас записывают на камеру в полуголом виде? А отель дорогой, пятизвездочный. Это предполагает уважительное отношение к клиентам.

– Жаль, – искренне сказал Воронов. – Неуважительное отношение к клиентам сэкономило бы нам кучу времени и сил. А кого из ваших конкурентов вы конкретно подозреваете?

– Я? – Теперь она выглядела действительно изумленной. – Я никого не подозреваю.

– Но ведь вы только что сказали, что убийство совершено вашими конкурентами, чтобы бросить тень на «ЭльНор». Значит, вы имели в виду кого-то конкретного?

– Да упаси бог. В городе около трех десятков строительных фирм. Из них порядка десятка довольно крупные и вполне сопоставимы с «ЭльНором». Попытаться осуществить рейдерский захват и вырваться в лидеры может в принципе любой. Это бизнес. В нем действуют довольно жесткие правила.

– Да. Любой, – согласился Воронов. – Вот только далеко не любой ради выгоды может убить.

Уходя, в коридоре и в холле он, как мог, крутил головой, но ни одной камеры видеонаблюдения не заметил. Служба безопасности здесь действительно хорошо знала свое дело. Воронов решил немного задержаться и переговорить с ее начальником. В конце концов, ее сотрудники вполне могли знать, видеть, а то и чувствовать гораздо больше, чем госпожа директор.

Бдительный охранник, сидящий на вахте в холле, проводил Дмитрия в кабинет, сопоставимый размерами с кабинетом Бжезинской. Одну из стен полностью занимали мониторы, на которых в режиме реального времени двигались люди, работали башенные краны, выгружали кирпичи и месили растворы. Картинка с офисных камер здесь была тоже, и на одном из экранов Воронов успел разглядеть Элеонору Бутакову. Она сидела, поставив локти на стол и закрыв лицо руками.

Впрочем, он не успел подумать о том, чем вызвано такое вселенское горе. Ему навстречу шел невысокий, плотный человек средних лет с отличной выправкой, выдающей бывшего военного.

– Меркурьев, – коротко представился он. – Вы следователь?

– Нет, опер. Меня зовут Дмитрий Воронов. А к вам мне как обращаться?

– Все Олегом величают. Проходи, садись. Чай, кофе или, может, – он щелкнул себя по горлу, и рот Воронова залила волна кислой слюны. Было время, когда он уходил в запой, и, хотя ему удалось взять себя в руки, организм нет-нет да и выдавал такие вот фортели, заставляющие верить в наличие генетической предрасположенности и мышечной памяти.

– Воды, если можно, – сказал он суше, чем хотелось бы. Кругленький плотный мужичок ему отчего-то понравился.

– Слушаю тебя. – Олег прошел к стоящему в углу холодильнику, достал зеленую пузатую бутылку дорогой французской воды, пробка издала мягкий хлопок, тугая струя ударила о дно хрустального стакана, пузырьки повыпрыгивали из него, как дельфины в бассейне в погоне за брошенным дрессировщиком мячиком. – Думаю, что ты по поводу убийства этого проклятого пришел. Так что спрашивай, не стесняйся.

– А ты про убийство, похоже, уже знаешь. – Воронов принял подачу и обратился к собеседнику на «ты».

– Так про него весь город знает. Шутка ли, об этом отеле уже четыре года разговоры не утихают. Все ждут не дождутся, чтобы посмотреть, как там внутри, а накануне открытия там человека грохнули. Погоди, еще газета «Курьер» выйдет. Будет там все расписано, от А до Я. Как Инесса Перцева умеет.

Журналист Инесса Перцева, в миру Инна Полянская, действительно умела многое. Она была второй подругой его жены, так что о ее настырности, остром пере и умении добывать «горячую» информацию Воронов знал не понаслышке.

– Олег, твоя начальница считает, что убийство совершил кто-то из конкурентов, но отказывается назвать, кто именно на это способен. Может, ты подсобишь?

– Так ведь дело-то не благодатное. Не в адюльтере же обвиню, в убийстве, а это не шутки. Я кидаться такими заявлениями не привык. Другую школу прошел, знаешь ли.

– Полиция? Армия? – мент Воронов никогда не слышал фамилии Меркурьев и ломал голову над тем, где мог раньше служить его визави.

– Разведка. Но об этом не будем. Я тебе лучше так скажу. Все крупные бизнесмены у нас не святые и не пушистые. У всех за спиной мелкие грешки имеются, да и покрупнее тоже. Но с откровенным криминалом, однако, один Эдик Горохов связан.

– Фирма «Ганнибал», бывший мент, – в памяти Воронова всплывали какие-то обрывки воспоминаний, видимо приходящиеся на тот период его жизни, когда он не совсем адекватно воспринимал окружающую действительность[3 - Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Февральская сирень».]. – Тот, который свидетелей пытал, и его за это из органов поперли.

– Он самый, – Меркурьев согласно кивнул. – Лет семь назад два кента дали показания, что Горохов надевал на них противогаз во время допроса и шланг пережимал. Только они потом в камере повесились, и дело развалилось за отсутствием доказательств. Из органов его, конечно, убрали по-тихому, так он открыл строительную компанию и стал солидным бизнесменом. Только нутро ведь не переделаешь. Оно ведь если гнилое, так завсегда наружу гниль свою выплеснет.

– И у него был зуб на «ЭльНор»?

– Еще какой. Он ведь тоже на заказ строительства отеля пасть разевал. Да не смог прибрать кусок этот. Слишком крупным он для него оказался. Удальцова тогда всех возможных подрядчиков проверила, как рентгеном. И выбрала именно «ЭльНор». Ух, сколько мы тогда наслушались. Элеонора Александровна по моему совету два месяца с охраной ходила, потому что Эдик бесновался так, что пена изо рта летела. А потом вроде подуспокоился, но затаил. К бабке не ходи.

– Ну что ж, Олег, спасибо тебе за наводку. Теперь хоть есть что проверять. А то давно такого глухого дела не припомню.

– Не за что. Ты обращайся, если что. Я всегда подсоблю. – Меркурьев встал из-за стола, пожал Воронову руку, и они сердечно распрощались, вполне довольные друг другом.

Глава пятая

1989 год

Элла и Нора

Москва ошеломила приехавшую поступать в институт Элю Яблокову, несмотря на то что в столице она уже бывала и с сумасшедшим ее ритмом сталкивалась. Однако оказалось, что приехать с вокзала в гостиницу, чтобы оставить вещи, сопроводить маму по каким-то командировочным делам в серьезное партийное заведение, а потом пообедать в ресторане, погулять по Красной площади, съесть мороженое, купленное на первом этаже ГУМа, – это одно. А готовить себе завтраки на кухне студенческой общаги, куда тебя поселили на время поступления, готовиться к экзаменам, пытаясь еще раз повторить, впечатать в память математические правила и физические законы, сливаться со спешащей в метро толпой, чувствуя всей кожей, что уже завтра ты сможешь стать ее частью, своей в этом многолюдном и многоликом городе, – совсем другое.

Эля любила Москву какой-то жадной, болезненной любовью, с которой всегда относятся к тому, чего не имеют. Она страстно мечтала о том, что будет жить здесь все пять лет учебы, а потом выйдет замуж за москвича и обязательно останется в столице насовсем, чтобы с брезгливым недоумением смотреть на приезжих, беспомощно озирающихся в метро, произносить сквозь зубы классическое «понаехали».

Мечтой покорить Москву она как-то поделилась со своей новой подружкой, с которой познакомилась перед первым экзаменом, дожидаясь очереди на сдачу и отчаянно труся. Подружку тоже звали Элеонорой, бывают же такие совпадения.

Но на этом сходство между ними закончилось. Та, другая Эля, была москвичкой, носила красивую, экзотическую фамилию Фалери, мама у нее когда-то танцевала в Большом театре, сама она тоже интересовалась балетом и была прекрасна, как утренняя, только что расцветшая роза.

Хрупкая, белокурая, с большими, словно подернутыми поволокой глазами, в которых, казалось, частенько вставали слезы. Несколько месяцев назад у Эли Фалери скончался отец, которого она очень любила, и с этим, как поняла, Эля Яблокова, было связано не только огромное горе от утраты, но и некоторые трудности материального характера.

Папа – партийный бонза – обеспечивал безбедное существование семьи, и поступление Эли в институт теперь проходило в более нервной обстановке, чем могло бы. Был бы жив папа, Эле не нужно было бы мучиться с экзаменами, но сейчас ей приходилось поступать на общих основаниях.

Видимо, именно психическая нестабильность и привела к тому, что Элеонора Фалери среди всей абитуриентской толпы вычленила невзрачную, нескладную, плохо стриженную Элю Яблокову, которую и выбрала себе в наперсницы. Уж как ни далека была Эля от дворцовых интриг и партийных раскладов, но умом прекрасно понимала, что Элеоноре она не пара.

То же самое твердила и мама, которой Эля по телефону похвасталась, какая замечательная у нее подружка, как красиво и богато у нее дома и какие вкусные пирожные печет домработница Клава.

– Ой, доченька, ты бы держалась от них подальше, – встревожилась мама, выслушав дочкин рассказ. – Фалери-то большим человеком в Москве был, много я про него слышала… Не ровня они нам…

– Плохого слышала или хорошего? – поинтересовалась любопытная Эля.

– Разного, – у мамы тоже была партийная закалка, а вместе с ней и привычка держать язык за зубами. – Но большого полета человек был. Говорили, что не просто так он умер. А застрелился.

– Как застрелился? – у Эли от любопытства даже голос изменился.

– Да так. Финансовые нарушения там какие-то вскрылись, вот он испугался тюрьмы да позора и покончил с собой. Не сближайся ты с этой семьей. И домой к ним не ходи. Не дело это.

– Да ну, глупости какие, – искренне возмутилась Эля. – Вот ты же, мама, столько лет коммунисткой была, как ты можешь такое мне советовать. У моей подружки горе. Если правда то, что ты говоришь, то оно еще более горькое, чем просто смерть любимого человека. Как же я ее брошу? Нехорошо это. Подло.

– Так-то это так, – стушевалась мама, которую вроде как поймали на трусости. – Ты, доченька, уже взрослая. Ты делай, как сама считаешь нужным. Но береги себя. Не лезь никуда особо, чтобы неприятностей не было. Эти Фалери сейчас как прокаженные.

– А мне наплевать, – заявила Эля. – Элеонора – моя подруга, у меня, кроме нее, в Москве никого нет. Так что дружить я с ней буду.

О разговоре с мамой она подруге не рассказала, чтобы не травмировать ее. Не надо было Фалери знать, что Яблокова в курсе ее семейной тайны. Ведь и сдружилась-то она с ней во многом потому, что Эля Яблокова никого в Москве не знала, а потому не могла знать о случившемся в семье Фалери скандале. А вот своей мечтой покорить Москву, стать в этом городе своей она с подругой поделилась.

– Это провинциализм, – безапелляционно сказала красавица Элеонора. – Его надо выжигать из себя каленым железом. Если ты, конечно, хочешь чего-то добиться в жизни.

– В смысле?

– Стремление закрепиться в Москве, врасти в нее корнями – мечта любого провинциала. И то, что он делится ею с каждым встречным, – выдает провинциальное происхождение с головой. Сразу видно, что ты из Урюпинска.

Последнее прозвучало с легкой насмешкой в голосе, потому что многочисленных анекдотов про Урюпинск ходило по стране немало. А Эля Яблокова была именно из-под Урюпинска, чем новая подружка подкалывала ее постоянно. Вот и сейчас Эля отчаянно и густо покраснела. Была у нее такая особенность. В минуты

сильного волнения, связанного с чувством стыда или неловкости, красная горячая волна заливала ее с головы до ног.

Эля Яблокова вообще была румяной, аристократической бледности Эли Фалери у нее не было и в помине, но, когда она краснела, пунцовым жаром заливало не только щеки, но и нос, подбородок и даже лоб, а по шее шли некрасивые пятна с неровными краями. От привычки краснеть Эля не могла избавиться, как ни старалась. И каждый раз волновалась еще больше, понимая, что над ней все смеются.

– Запомни, дорогая, – Эля Фалери смотрела на подругу без всякой жалости и качала совершенной ножкой, затянутой в гладкий, без единой морщинки, черный капрон. Этим шиком, с которым московская подружка носила колготки, Эля Яблокова тоже восхищалась, поскольку вокруг ее тощих ног колготки все время перекручивались, а еще сползали. – Ты должна всегда выглядеть уверенной в себе. Не важно, как ты себя в этот момент чувствуешь, важно, как ты выглядишь. Жизнь – это сцена, и выходить на нее стоит только с выученной назубок партией. Меня так мама учила.

– Партией? – Эля Яблокова смотрела на подругу непонимающе. – Какой партией? Коммунистической?

– Балда. Балетной партией. В балете так называют роль.

– А-а-а. – Эля снова пошла красными пятнами, которые к тому же отчаянно зачесались. Никак у нее не получалось поддерживать беседу, не выставляя себя неотесанной деревенщиной. И про балетную партию она, разумеется, слышала. Просто сейчас не соотнесла это слово со сказанным подругой.

– Тебя будут воспринимать всерьез только тогда, когда ты будешь держать свои комплексы под уздой, а не выставлять их напоказ. Стремление уложить Москву у своих ног – комплекс провинциала. Поэтому никому никогда больше про это не говори. Ты живешь здесь, и это само собой разумеющееся. Ты, если захочешь, будешь жить здесь всегда. А не захочешь, поедешь в Питер, или в Минск, или в Тбилиси. Все всегда в твоей жизни будет так, как ты захочешь. В это нужно верить. Всегда. Понятно тебе?

Эле Яблоковой было не совсем понятно. Ну как она останется в Москве, если, к примеру, не поступит в институт? И как она может быть уверена в своем будущем, если она в нем не уверена? К примеру, вдруг заболеет бабушка и Эле придется вернуться домой, чтобы за ней ухаживать? И как она вдруг поедет в Тбилиси, где у нее никого нет?

Лежа на общежитской кровати, Эля не могла заснуть от всех этих мыслей, разбуженных нравоучениями Элеоноры Фалери. Если бы она могла относиться к жизни с такой же легкостью, как подруга. Та вон папу похоронила, брони его могущества лишилась, мама у нее уже пенсионерка (хоть и смешно считать пенсионеркой тридцативосьмилетнюю женщину, но Эля объяснила, что балетные выходят на пенсию рано, вообще в тридцать пять), живут они на какие-то старые денежные запасы, которые лежали на книжке у мамы, да на то, что осталось от отца.

Самоубийство Фалери спасло его не только от позора, но и его семью от изъятия ценностей и денег на счетах. Это не подруга рассказала, это Эля Яблокова, будучи у нее в гостях, случайно подслушала телефонный разговор домработницы Клавы. И несмотря на все эти неприятности, что Эля, что ее мама цветут и пахнут, с утра наряжаются, красятся, надевают элегантные туфельки и выходят в люди с высоко поднятой головой. Подруге Эля Яблокова не завидовала. Она искренне ею восхищалась, впитывая каждой клеточкой своего тела вот это умение в любых обстоятельствах чувствовать себя королевой.

Думая об Элиных словах, она постепенно приходила к мысли, что подруга права. Действительно, каждый человек – сам хозяин своей судьбы. Точнее, в их с Элей случае – хозяйка. Ну, допустим, не поступит она в институт. Она все равно сможет остаться в Москве, устроиться на работу, стать лимитчицей, про которых снят не один фильм. Вон в любимом кино «Москва слезам не верит» как раз показано, как можно завоевать столицу, если много работать и упорно идти навстречу своей мечте. И в неведомый Тбилиси можно уехать, и во все другие города, о которых говорила Эля. Как всегда твердит бабушка? Глаза боятся, а руки делают… Вот и надо идти вперед, не зная сомнений.

В институт они поступили обе, сдав экзамены на три пятерки и две четверки. На свою фамилию в списке зачисленных Эля Фалери смотрела без малейшего волнения. Для нее это была просто галочка в списке поставленных целей. Она мечтала быть строителем, она поступила в строительный институт. Всего и делов-то. Эля Яблокова смотрела на список, не видя его из-за набежавших на

глаза слез. Трудно поверить, что впереди у нее пять лет учебы в институте. И хоть ей было и стыдно перед подругой за то, что она опять позволила эмоциям взять над собой верх, тем не менее сдержать слез не могла. Она – студентка. Она – москвичка. Она – самый счастливый человек на земле, и мама может ею гордиться.

Поступление в институт подруги решили отметить в кафе «Мороженое». Взяли по три шарика пломбира, по стакану лимонада, уселись за столик в углу и стали взахлеб обсуждать счастливые студенческие будни.

– Вот что, – деловито сказала одна. – У нас с тобой нарисовалась новая проблема. Экзамены мы сдали. В институт поступили. Будем учиться пять лет в одной группе. У нас будут общие компании и общие друзья. Понимаешь, к чему я клоню?

– Нет, – честно призналась вторая.

– Смотри сама. Нас с тобой зовут одинаково, и это, мягко говоря, неудобно. Вот представь, сидим мы в кафе, однокурсник зовет: «Эля!», и мы с тобой обе, как сиамские близнецы, голову поворачиваем.

– А что делать? Не может же одна из нас имя поменять. Хотя это действительно неудобно, я согласна. Просто до встречи с тобой я никогда не была знакома ни с одной Элеонорой.

– Ничего менять и не нужно. Давай с этого момента одну из нас будут звать Элла, а другую Нора. То есть дома все останется по-прежнему. Для наших мам мы как были, так и останемся Элями. Но для друзей нас будут звать по-разному.

– Здорово, – обрадовалась вторая девушка. – Тогда можно я буду Норой? Я читала «Кукольный дом» Ибсена, мне еще тогда это имя понравилось.

– Нет уж. Норой буду я. В конце концов, это я придумала разделить наши имена на составляющие, чтобы окружающие не путались. Так что имею право выбрать первой.

– Ну ладно, – горестно вздохнула вторая. Имени Нора ей было очень жалко. Она покатала его на языке, восхитительное, округлое, элегантное. Оно бы ей пошло. Но не ссориться же с подругой из-за такой малости. Придется уступить и стать Эллой. Имя ей не нравилось. В нем было что-то деревенское, твердое, упрямое, холодное. Но спорить она не стала.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

Больше всего Элеонору Бутакову удивляло, что она не нашла взаимопонимания и поддержки у мужа. Ее Сергей, который терпеть не мог Бжезинскую и ее извечное доминирование, в разразившемся конфликте однозначно встал не на сторону своей жены. Для Элеоноры это стало полной неожиданностью.

– Она низвела меня до уровня простого инженера, практически клерка, – кипятилась она как-то вечером, заваривая чай на кухне. Отдельного дома у них с Сергеем не было, но хорошая просторная квартира в самом центре города имелась. – Если раньше я была вторым человеком в «ЭльНоре», то теперь даже в первую десятку не вхожу. Я! Основавшая компанию вместе с ней. Да я пахала, как раб на галерах, создавая безупречную репутацию компании. И все наши заказы – это моя заслуга, ничуть не в меньшей степени, чем ее.

– А чего ты хотела? – спросил Сергей, спокойно отхлебывая огненный чай, в котором плавали золотистые кусочки яблок. Их сочный запах плыл по кухне. Год оказался необычайно урожайным, они были везде, и от них было некуда деться. Элеонора физически чувствовала, что ее укачивает от этого аромата. – Ты же первая начала войну, Эля. Ты вступила в сговор с Борисом, вы сместили Бжезинскую с поста гендиректора. И меня удивляет, что, совершая все эти действия, ты совершенно не просчитала последствия. А зная Элеонору, можно было предположить, что последствия обязательно будут и удар, который она нанесет в ответ, будет схожим по силе.

– Ты хочешь сказать, что я – дура? – В Бутаковой вдруг проснулось ее юношеское упрямство, которое она всю жизнь старательно скрывала от окружающих.

Женщина должна быть мягкой и нежной, а не танком, прущим напролом, таким, как Бжезинская. Это она знала совершенно твердо.

– Нет, ты не дура, – Сергей разговаривал нехотя и будто устало. – Ты совершила подлость по отношению к подруге, хоть и не хочешь это признать. Ты – крестная ее дочери, и это не помешало тебе за ее спиной поступить вероломно. Меня это удивляет и огорчает. Но еще больше меня огорчает, что ты даже не понимаешь всей некрасивости своего поступка и обвиняешь во всем Бжезинскую.

– Это она поступила подло, а не я, – закричала Бутакова, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, а к глазам – непрошеные предательские слезы. – Как ты можешь так говорить? Ты же знаешь, что я хотела всего лишь спасти фирму от разорения вследствие непродуманной политики, которую вела Бжезинская.

– Эля, Эля, ну зачем ты сама себя уговариваешь, что в это веришь? За все эти годы Элеонора не приняла ни одного неверного решения. Мы же еще всегда смеялись, что она словно заколдованная. Все авантюры сходили ей с рук, и она выходила из них победительницей, выводя «ЭльНор» на более высокий уровень. Так почему сейчас ты решила, что ее затея закончится провалом? К примеру, я так очень верю в проект «Изумрудный город». Элеонора права, а ты нет.

Это был первый случай за двадцать лет семейной жизни, когда Сергей сказал что-то подобное. Познакомились они в первый же месяц, как приехали вместе с подругой в небольшой областной центр на Волге. Их курс был последним, для которого распределение еще существовало, и отправили их в одно и то же строительно-монтажное управление, набиравшее инженеров-строителей. Две молоденькие, симпатичные, не нюхавшие пороху москвички, одна коренная, другая приезжая, Эля Яблокова и Эля Фалери оказались в новой непривычной для себя обстановке, где пришлось с нуля доказывать, что ты что-то из себя представляешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Из интернет-энциклопедии Википедии.

2

Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Страсть на грани».

3

Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Февральская сирень».

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/tvoya-primernaya-kovarnaya-zhena

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить